

Наталья Журавликова

Академия избранных Мраком
Наследница силы

Наталья Журавликова

Академия избранных
Мраком. Наследница Силы

«Автор»

2026

Журавликова Н.

Академия избранных Мраком. Наследница Силы /
Н. Журавликова — «Автор», 2026

Академия Мрака полна тайн. Стоит раскрыть одну, появляется еще три. И почему-то все сходится вокруг меня, адепки второго курса, которая никак не совладеет со своим даром. А тут еще несносный король академии не желает оставить в покое, со своей язвительностью и придирками. Второй том дилогии. Первая книга:

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	29
ГЛАВА 5	39
ГЛАВА 6	45
ГЛАВА 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Наталия Журавликова

Академия избранных Мраком. Наследница Силы

ГЛАВА 1

– Эй, ты будешь заходить, или нет?

Нетерпеливые адепты подталкивают в спину. Я стою у ворот академии, в который раз перечитывая надпись на магической табличке.

“В доступе отказано”.

Сколько бы раз я ни прикладывала свой студенческий артефакт к начищенному медному кружочку “стража”, результат один.

Замок не открывается, а на блестящей поверхности появляется отказ.

Что такое? Войти в академию Мракендарт могут лишь те, кто в нее приглашен. Я – студентка второго курса!

– Посторонись, и дай уже пройти тем, кого здесь ждут! – высокая надменная девица с яркими волосами цвета дикой сливы отталкивает меня, шлепает свой “текстолет”, похожий на отполированный камешек артефакт, в центр круга.

“Керейна Зелет, 4 курс факультета Общей магии”, – проступает надпись на “страже”.

Ворота открываются.

Зелет не удерживается от искушения обернуться и съязвить:

– Вечно у тебя проблемы с тем, чтобы найти свое место в Мракендартре! Когда ты поймешь, что оно за воротами?

Довольная Керейна уходит. Если не знать, что она – выпускница приюта, можно подумать, что в академию после летнего отдыха вернулась дочь знатных особ.

Впрочем, сама Зелет в это действительно верит. История о потерянных благородных родителях поддерживает ее не просто на плаву. На лету!

В прошлом году пройти через стража было проще. Приложила печать со свитка-приглашения и ворота открылись. Что же случилось сейчас?

Отхожу в сторону и вижу, как один за другим остальные адепты из-под морозящего дождя перетекают в не особенно уютный и благожелательный, зато сухой и теплый Мракендарт.

Последний летний день выдался отвратительным во всех отношениях.

С утра началась откровенно осенняя слякоть, и колеса дилижанса то и дело застревали в грязи. Несколько раз мы все выходили и подталкивали неповоротливое грузное тело нашего средства передвижения, кто просто силой, кто магией. А перед самым Мракендартром громоздкое корыто чуть ли не перевернулось.

И теперь я стою под дождем в забрызганной грязью юбке, облепленных коричневыми склизкими комками туфлях, продрогшая, злая и озадаченная.

Обычно эти ворота вообще открыты, потому что в Мракендарт и так никто не сунется, просто не найдет. Но перед началом учебного года эта церемония соблюдается.

И что мне теперь делать? Стучать по стражу, пока не собью кулаки или скулить: “Впустиите меня”?

Жаль, среди тех, кто беззаботно минует стража, поглядывая на меня украдкой, нет однокурсников и членов моей команды. Хотя меня и все остальные знают, с другой-то стороны, хотя бы чисто внешне.

– Сообщите Эдираде Плихан, что Ирлея Летхит не может попасть в академию! – кричу я в спину последнего из входящих.

Эдирада Плихан – грифон в юбке, жесткая, лишенная компромиссов. Профессор прорицательства и глава комиссии по заселению и распределению адептов. Меня она терпеть не может, как большинство преподавательского состава. Но ее чувство справедливости превышает всего.

Остаюсь одна. Сколько мне еще тут торчать?

Еще дважды пытаюсь подобраться к “стражу”. Но на табличке появляется новая формулировка: “Превышение количества попыток. Ваш текстолет заблокирован. Обратитесь в деканат”.

– Издеваешься? – ору я, размазывая по лицу слезы вместе с каплями дождя. – Как я обращаюсь в деканат, если ты меня не пускаешь, дурень железный?

– Заводишь новых друзей, букашка? – слышу позади знакомый голос, от которого у меня, как обычно, скулы сводит, а волосы колечками сворачиваются.

Это он, великолепный Вальдер Эфлон. Король академии Мракендарт, четверокурсник, телепат, материализатор высшей категории. Капитан команды по ментелену, в которую я попала по нелепой случайности. И парень, с которым у меня был первый в жизни поцелуй. Поцелуй, ничего не значащий для Вальдера.

Оборачиваюсь и смотрю на него.

Эфлон выглядит так, словно ему дождь нипочем. На нем белые (!) брюки и синяя куртка. Длинные белые волосы собраны в элегантный хвост. Васильковые глаза насмешливо проезжаются по моей мокрой, всклокоченной прическе, одежде в пятнах воды и грязи. Король и замарашка.

Разумеется, наследник лорда Рейендара приехал на личном транспорте, а за его спиной почтительный слуга с чемоданами.

– Мне подождать, пока ты уговоришь ворота тебя впустить? – спрашивает он с мнимым дружелюбием.

– Проходи, – бурчу я и отхожу в сторону. Можно попросить у него помощи. Но не хочется. Меня бесит, что выгляжу настолько хуже него, что ничего не могу сделать в создавшейся ситуации и даже не понимаю, что происходит.

– Ладно, – отводит от меня внимательный васильковый взгляд и прикладывает артефакт к пластинке.

Тут же слышится пронзительный, противный крик, похожий на скрип и хлопанье жестких крыльев.

Только успеваю задраить голову, как меня подхватывают когтистые уродливые лапы горгульи, и я взлетаю, судорожно вцепившись в ручку чемодана. Но тут она отрывается и намокший кожаный баул обрушивается точнехонько на плечи короля академии.

1.2

Полет с горгульей под дождем, под громкую брань будущего лорда Рейендара не лишен очарования.

Не могу не вспомнить наше с ним прошлогоднее знакомство. Тогда я случайно порвала красавчику-блондину штаны. Сейчас я определенно превзошла сама себя! Но ужасно жаль вещи, что обрушились лавиной на белобрысую голову.

– Лякся! – ору, болтая в воздухе ногами. – Я из-за тебя без одежды останусь! Все самое важное было в чемодане!

За спиной в рюкзаке чувствуется возня. Это Фелиндрикс, моя кукла-фамильяр, намекает, что самое дорогое все же осталось со мной.

Моя личная горгулья совершает почти мягкую посадку, опуская меня прямо на постамент посреди фонтана. С ее стороны это выражение преданности, поскольку это место

кажется для нее лучшим на всем свете. А вот мне торчать одиноким и нелепым пугалом между бьющих разноцветных струй воды совершенно не хочется.

– Адептка Летхит? – слышу удивленный голос Эдирады Плихан, самой страшной женщины Мракендарра, причем не внешне. Выглядит она как солидная дама средних лет и кажется обманчиво безобидной, все потому, что ее сверх проницательные глаза скрыты за очками с дымчатыми стеклами.

– Я думала, вы уже не сможете меня ничем удивить, но надо сказать, ваша фантазия так же неиссякаема, как и болезненна.

– Страж написал, что мне запрещен доступ в академию, – кричу, чтобы киррна Плихан расслышала мой голос сквозь шум воды.

– Но вас это не остановило, – иронично подмечает профессор.

– Табличка порекомендовала мне обратиться в деканат, – гну свою линию, – правда, не знаю, в какой. Меня же еще не перевели никуда официально. А может и вообще отчислили.

Эдирада поправляет очки.

– Хорошо, выбирайтесь со своего насеста, если не решили свить там гнездо, мне надоело напрягать горло, чтобы вы меня слышали.

Легко сказать: “выбирайтесь”. Вплывь, что ли?

– Лякся! – толкаю в толстокожий бок. – Унеси меня вон туда!

Показываю пальцем, куда мне хочется попасть. Но непонятливая горгулья вместо этого лижет мою щеку неожиданно горячим и шершавым языком.

Я визжу и сваливаюсь в фонтанную чашу.

Значит, все-таки вplashь.

Выбираюсь и вижу выражение лица профессора Плихан. Даже несмотря на очки понятно, что ее глаза возведены к небу. Тяжкий вздох.

– За лето вы не повзрослели ни на один день, Летхит.

– Ирлея! – доносится рев Вальдера Эфлона.

Надо же, не “букашка”! По имени назвал! Видимо, прежде, чем прибить.

Король академии несется в мою сторону, и выглядит при этом эпично и комично сразу.

Вокруг его шеи на манер шарфа обвилось платье, в котором я была на зимнем балу, а лента с волос слетела от удара моим чемоданом и длинные блестящие волосы рассыпались по плечам. Но как ни странно, Вальдеру это даже идет. Он всегда хорош, зараза! Но вот довольно личная деталь моего туалета, что зацепилась за его ухо и запуталась в волосах, немного все портит.

Вальдеру Эфлону удалось сделать невозможное. Удивить грозную Эдираду Плихан так, что она снимает очки и начинает протирать стекла.

– Я очень надеялась, что в этом учебном году мы сможем навести порядок в академии. Но студенты явно с ума посходили!

– Прошу меня извинить, декан, – вдруг заявляет Вальдер, – у нас с адепткой Летхит возникло недопонимание.

Декан?

Собственно, если ее поставили на место Миркура Тенебриса, который оказался злодеем, это вполне логично.

– Это не повод расхаживать с женским нижним бельем на голове, – сухо парирует профессор.

Мои щеки начинают гореть, а Вальдер срывает с волос мою... так скажем, верхнюю часть того, что не следует показывать на людях.

– А где остальные мои вещи? – стону я.

Эдирада устраивает очки обратно на носу и рывкает:

– К ректору! Оба! Нечего устраивать здесь представление!

1.3

Абрал Талироди выглядит усталым, хотя учебный год даже не начался.

Ректор академии Мрака сидит за столом, растирая виски, при виде нас вздыхает, и я замечаю в темных волосах тонкие серебристые нити.

– Ирлея Летхит, – говорит он утвердительно, – у тебя какое-то навязчивое желание привлечь к себе внимание.

Если можно сказать обо мне что-то наименее соответствующее действительности, то вот оно!

– Страж ворот не дал мне доступ в академию, – помимо моего желания голос звучит обиженно, не хватая еще разреветься для полного эффекта.

– Хм. Очень странно.

Абрал Талироди убирает руки от головы.

– Хотя внутренне я с ним и согласен, возможно, так было бы и проще. Но могу сказать, что не отдавал распоряжения тебя исключить или что-то эдакое.

Он внимательно смотрит на Эдираду.

– Декан Плихан, вы не знаете, как это произошло?

– Теряюсь в догадках, – признается профессор, – как вариант – Мракендарру не чуждо чувство самосохранения.

Ректор издает короткий невеселый смешок и задумчиво замечает:

– Возможно, все дело в том, что я успел объявить тебе третье предупреждение, Ирлея. А оно подразумевает исключение из академии. Давай свой текстолет.

Протягиваю ректору артефакт. Он кладет “камешек” на одну ладонь, второй проводит сверху, затем отдает текст мне.

– Все, разблокировано. А зачем здесь Вальдер Эфлон?

Профессор Плихан будто бы вспоминает о короле академии, спохватывается.

– Адепт Эфлон слишком ревностно демонстрировал свои отношения с Летхит, – сурово выдает она, – обмотался ее одеждой и бельем. Недопустимое и странное поведение!

– Эта сумасшедшая сбросила на меня свой чемодан! – парирует Вальдер.

– О! – ректор морщится, словно почувствовав боль от удара тяжелым кожаным боком моей поклажи и трет шею.

– Должна же я была как-то обратиться в деканат, как советовал страж! – развожу руками.

– Ладно, – изрекает ректор, – на первый раз без предупреждений. Но учтите, впереди у нас несколько сложных недель. В Мракендарр прибывает комиссия, которая будет изучать условия жизни и безопасности студентов. Родители Милона Ханиша подали иск к академии.

Милон Ханиш. Верный и отважный друг, защитивший меня от декана Тенебриса ценой своей жизни. Разумеется, его родные пожелали возмездия.

– Извольте вести себя ответственно и по-взрослому! – ректор почти рычит и смотрит почему-то на Вальдера. Тот с пониманием кивает.

– А теперь вон отсюда! Декан Плихан, задержитесь, пожалуйста.

Мы с Эфлоном выходим и я набрасываюсь на него с претензиями, пока он не сделал это первым.

– Где мои вещи?

– Летхит, вечно у тебя проблемы со шмотками, – кривится он, – не бойся, я затолкал твое бельишко, кроме того, что оказалось на мне. Чемодан у охраны за воротами.

Немного успокаиваюсь и интересуюсь:

– А откуда ты знал, что Эдирада Плихан – новый декан Общего и Начального факультетов?

– Я много чего знаю, – загадочно улыбается Вальдер, – прежде всего потому, что мой отец возглавляет ту самую комиссию, которая скоро поселится в Мракендарре на неопределенное время.

Что? Верховный судья Зойдарса, лорд Рейендар, которого называют “Посланник Стужи”, приезжает в академию?

Почему-то перспектива столкнуться в коридорах Мракендарра с отцом Эфлона меня пугает, сама не знаю, почему.

1.4

Три недели назад

– Ты ведь пошла в Мракендарр из-за Ларии, правда? – мама пристально смотрит на меня, продолжая чистить сочный ананас.

Мне такое не под силу, я вся потом в липком соке, а от фрукта остается лишь куций огрызок, вся мякоть остается на кожуре.

– Изначально да, – киваю, завороченно глядя на четкие, точные движения острого ножа, – но в процессе обучения мне все понравилось.

– Что именно? – мама откидывает прядь каштановых волос резким движением головы. – Насмешки этих грубых адептов или высокомерие сына судьи?

Мне начинает казаться, что я зря так откровенно обо всем ей рассказываю. Надо бы некоторые вещи оставлять при себе. Нет, разумеется, мама не в курсе, что мы с Вальдером целовались. Но в остальные подробности своего пребывания в Мракендарре я ее посвятила более-менее подробно.

– Я смогла преодолеть все эти трудности, – твердо говорю, отводя взгляд от ананаса, – и на самом деле сойка прилетала за мной. Мракендарр ждал именно меня!

– Ты узнала, что было с Ларией, правда? – мама отхватывает кусочек спелой мякоти ножом, подносит ко рту и ест прямо с лезвия, не боясь порезаться.

– Узнала. И с ней действительно был неполадок, а вовсе не взросление. Лария потеряла часть души, в которой была именно наша с ней дружба. И она забыла меня не по своей воле. Этим огнем подпитывался проклятый кристалл, который я разбила.

– Значит, твоя задача выполнена, – мама пожимает плечом, – и ты, наконец, можешь отправиться в нормальную академию. В эту тебе возвращаться не стоит.

– Но во мне полно частиц материи! – возражаю я. – А значит, мне необходимо научиться управлять своим даром. Где я еще такому научусь?

– Мы можем найти для тебя репетитора по материальной магии, – мама ставит очищенный ананас в середину широкой тарелки, – но поверь, Мракендарр не лучшее для тебя место. Особенно после того, что произошло на первом курсе. Погиб мальчик! И не просто на твоих глазах, он защищал тебя! Подумай, что тебе придется пережить, как будут смотреть все остальные? Или даже уже смотрят!

Она права.

Действительно, до отъезда домой я видела в глазах адептов и преподавателей осуждение. Или мне казалось, что вижу.

“Ты, конечно, не виновата, – как бы говорили их взгляды, – но Милон погиб за тебя, и этого никак не изменить”.

– Знаю, ты хочешь мне только добра, мамочка, – выдыхаю я, – но позволь вернуться в Мракендарр. Уверена, что моя история там не закончилась. И я могу многому научиться.

– Милая, боюсь, не все, что ты о себе можешь узнать, тебе понравится, – загадочно говорит мама и начинает нарезать фрукт кусочками.

Семейные тайны?

Но она больше не собирается продолжать эту тему, увь.

Разговор меня встревожил, я решаю отвлечься и забираюсь на чердак. Там мама хранит мешочки и коробочки с частицами кристаллов и порошками для создания артефактов, которые списывают у нее на работе. Для мамы это что-то вроде рукоделия. Она любит изобретать новые сочетания для расширения функций бытовых артефактов.

Зажигаю фонарик, брожу между полками, заставленными коробками и коробочками.

Вспоминаю, что обещала оживить куклу своей соседки Эльны, а для этого нужны кристаллы дуарониума.

Но как раз его, кажется и нет.

– Фелиндрикс!

Я подсаживаю на полку над моей головой малыша-фамильяра, оживленную мной в детстве игрушку.

– Найди дуарониум! Тогда я смогу сделать для тебя подружку. Правда, немного темненькую.

Филя с сомнением поднимает и опускает большие уши.

– Зато Эльну порадуем! – уговариваю я фамильяра. – Знаю, она тебе нравится, и ты не хочешь, чтобы у нее появилась такая же живая игрушка...

Фелиндрикс мотает головой и яростно машет тряпичными ручками.

– Ой, я неправильно выразилась, прости! Такой же игрушки как ты, разумеется, вообще не может быть.

Филя довольно кивает, бьет кулачком себя в грудь. С самооценкой у малыша все в порядке.

– Но ты понимаешь, я обещала! Эльна помогла спрятать тебя от комиссии из “серого ордена”, так что за мной должок.

Фелиндрик поднимает ручку и ерошит белые волосы на голове. Потом пожимает плечами как бы говоря, что ему ничего не остается.

– Заберись выше и посмотри, есть ли там дуарониум!

Фамильяр подпрыгивает, цепляется за полку над своей головой, ловко забирается. Шуршит, ищет нужную коробочку.

Расправляет пушистые крылья и оказывается еще выше. Снова ищет, а я напряженно всматриваюсь вверх, так что шея затекает.

Малыш деловито возится наверху, неловко поворачивается, толкает одну из коробок, и та обрушивается с ужасным шумом.

– Ох! – пугаюсь и протискиваюсь за стеллаж, в попытках поднять то, что упало.

За полками довольно много пространства, мой взгляд привлекает каменная плита, прислоненная к стене.

Черная, отполированная, с толстыми белыми прожилками.

Повинуясь безотчетному порыву, кладу в центр камня ладонь, и начинается невообразимое.

Белые линии приходят в движение, смыкаясь в круг, в котором теперь находится моя рука.

В ушах слышится писк, заполняющий всю меня. Пальцы становятся ледяными, но в то же время по телу от плиты идет жар, такой осязаемый, его словно вливают в меня.

Писк прекращается и я слышу, как все мое тело гудит, а под кожей перекачиваются волны огня.

И я чувствую силу. Кажется смогу поднять одним пальцем весь стеллаж с коробками, если пожелаю.

Ладонь обжигает, в грудь толкает, я отлетаю и больно ударяюсь спиной в полки, сшибая всю конструкцию. Ору дурниной. Фелиндрикс мягко планирует на своих крылышках и опускается мне на живот, огромные круглые глаза встревоженно поблескивают в полумраке. Смотрю на танец потревоженной пыли и соображаю, что произошло.

– Ирли! – мамин голос звучит громко, внезапно. Даже Филечка прикрывает уши лапками.

– Ты жива?

Она бросается на колени передо мной, с искаженным лицом.

Я чихаю от пыли.

– Слава Лучу и Мраку, – вздыхает она. А потом начинает меня отчитывать, как положено хорошему родителю.

– Что за беспорядок ты тут навела? Зачем было лезть в мою коллекцию?

– Я хотела немного кристалльной крошки, сделать артефакт для Эльны, – признаюсь, садясь и оглядываясь.

Черная загадочная плита похожа на зеркало. Но она возвращает отражение, а поглощает его. Белые вены снова расползлись по разным сторонам.

– Что это такое? – показываю на пугающий камень.

Мама бросает взгляд на интересующий меня объект и я вижу тень испуга на ее лице.

– Давно пора было от него избавиться, – вздыхает она, – это ночной мрамор. Ниалтар. Камень, из-за которого твой...

Она замолкает, словно сказала что-то лишнее.

– Из-за которого что? – почти кричу я. – Договаривай! Ты хотела сказать о папе?

– Не командуй мной! – сердится мама. И я знаю, что в этом случае ее гнев – простая самозащита.

– Ты говорила, что папа умер от сердечного приступа! – дожимаю ее.

– Да, именно из-за этого, – мама берет себя в руки, – давай приводить все в порядок.

– Давно у нас этот ниалтар? – не отстаю. – Почему раньше я его не видела?

– Возможно, потому что не залезала между полками и стеной, – резонно отвечает матушка, – все, разговор закончен. Камни любят молчание. Помоги прибраться.

Я сдаюсь, но только на время.

Помня о том, сколько силы у меня только что было, пытаюсь поднять стеллаж, но все, подпитка закончилась.

Сколько я ни пыталась вывести маму на новые разговоры о ниалтаре и отце, ничего у меня не получилось до самого отъезда в Мракендарр.

Настоящее время, академия Мракендарр

Я и мой криво-косо закрытый чемодан стоим у дверей комнаты, где столько всего было в прошлом учебном году.

Меня распределили в прежнее жилье. Рада ли я?

Честно говоря, была надежда попасть в новый корпус, более благоустроенный. А еще, хоть немного обозначить новый старт. Отречься от прежнего ужаса. Понимаю, это по-детски. Милона не вернуть, и это станет вечным моим укором. Да, его лишил жизни злодей. Но никогда не оставит меня мысль, что можно было спасти друга, не допустить его гибели.

Сглатываю, отчего-то волнуясь. Вижу торчащий изнутри ключ, узнаю манеру Эльны и стучу, предвкушая встречу с кислой физиономией соседки.

Дверь открывается, и я застываю на месте.

– Ну, привет, – хмыкает Мирейя, задушевная подружка Керейны Зелет, теперь уже третькурсница.

– Что ты тут делаешь? – спрашиваю, надеясь, что она зашла в гости к Эльне, хоть это было бы смешно.

– Тот же вопрос, – она упирает руки в бока, – меня-то сюда распределили.

– И меня, – в душе растет раздражение, хочется долбануть косяк кулаком. Но бессмысленно.

– Тогда заходи, – безразлично отвечает Мирейя, отступая в сторону и пропуская меня в комнату.

Вижу, что она и мою половину комнаты заняла.

– Тут я спала, – киваю на кровать.

– Значит, у тебя будет в этом году хоть что-то новенькое, – хихикает моя новая соседка.

Меня не оставляет ощущение розыгрыша.

Сейчас откроется шкаф, из него вывалится куча жутковатых игрушек Эльны и она сама.

И спросит с обычной ехидцей:

– Ну что, поверила?

Эта фантазия настолько сильная, что я подхожу и раскрываю шкаф настежь. Увы, пусто.

Мне досталась новая соседка, и мы не в восторге друг от друга.

ГЛАВА 2

Мирейя Пейласта сидит на моей бывшей кровати, подпиливает ноготочки и смотрит на меня с неодобрением.

Вероятно, она рассчитывала на мое бегство из комнаты в панике. Но я закалена в высшей степени недружелюбной встречей Эльны в прошлом году. По сравнению с ней моя нынешняя соседка – образец вежливости и принятия.

Я уже разобрала свои вещи и усадила Фелиндрикса на подушку. Ему приходится притворяться неодушевленной куклой, и я чувствую, как он недоволен.

– Про эту игрушку писал “Правдолюб”? – с интересом спрашивает Мирейя. – Ну, что она у тебя ходит и ворует документы.

– Ага, а еще ночью бегают за слишком любопытными студентками с ножом, – охотно отвечаю я. Вижу, как вытягивается лицо Мирейи и добавляю:

– Больше доверяй сплетням, еще и не то покажется. Фелиндрикс – мой талисман.

– Я знаю, ты меня терпеть не можешь, – вдруг заявляет новая соседка, – потому что я дружу с Керейной. Но я уважаю тебя, Ирлея. Честно-честно! Ты спасла Мракендарр, не дала воскресить Черрза.

Имя злодейского мракенарра она произносит шепотом, словно тот где-то рядом и может нас услышать.

От этой мысли мне становится холодно. Хотя я сама видела, как призрак Черрза рассыпался от магического удара ректора Талироди.

– Конечно, Керейна мне дороже, тут извини, это личное.

– Понимаю. Я бы и сама предпочла жить вместе с Эльной Талфин, – спокойно говорю я. Нормальный разговор, без подколов, почему нет.

– Администрация этого корпуса предпочитает расселять студентов каждый новый учебный год, – вздыхает Мирейя, – вот в новом на это смотрят сквозь пальцы.

– Жаль, – забираюсь на кровать с ногами.

– Еще как, – подтверждает соседка, – и знаешь, я сама терпеть не могу жить как на горящих углях. Поэтому не собираюсь строить тебе козни. Если ты первая не начнешь. Так что давай заключим перемирие. Все враждебные лагеря у нас будут за пределами комнаты.

– И в чем подвох? – прищуриваюсь я.

– Ты не сильно доверяешь людям, да? – вздыхает Мирейя.

– У меня для этого есть причины, – не собираюсь давать слабину, – но твое предложение мне нравится.

Мы заключаем соглашение, скрепляя его рукопожатием.

Что ж, если она действительно говорит всерьез, это облегчит проживание в новых условиях.

Эльну я встречаю за ужином в столовой общеджития. Тут ничего не поменялось, едим мы все так же стоя.

Мне хочется обнять бывшую соседку, но я знаю, что она этого не приемлет. Не хочется улететь к стенке от ее магического удара.

При виде меня Эльна на минутку теряет свое обычное “ведьминское лицо”.

– Ирлея! – почти кричит она и тащит меня за свой столик-стойку. И я вижу, что там уже ждет нас Кирсея.

После того, как у нее украли часть души вместе с ее состраданием, Кирсея изменилась. И бросив взгляд на приятельницу, я понимаю, что она все еще не стала прежней доброй и наивной девчонкой. Очень надеюсь, в новом учебном году ей помогут вернуться к себе.

– С кем ты сейчас живешь? – спрашиваю Эльну с некоторой опаской.

– Со мной, – спокойно отвечает Кирсея, – удивительно получилось, правда?

– Не то слово, – соглашаюсь с ней, – получается, мы с тобой просто поменялись соседками.

По выражению лица Эльны уже снова непонятно, что она чувствует. Ведьма берет себя в руки и возвращает привычное чуть брезгливое выражение.

После ужина мы идем в деканат начального факультета. Там вывесили списки распределения бывших первокурсников по новым направлениям.

Для перевода преподавательский состав голосует за каждого студента, указывая, какой факультет больше ему подходит с учетом проявленных на первом году обучения способностей. А совет, в составе которого деканы и ректор, уже принимает окончательное решение. Направлений, мягко сказать, маловато, поэтому адепты часто оказываются недовольны переводом.

Первой находит свое имя в списках Кирсея.

– Стихийное, – говорит она спокойно, – значит, завтра мне получать стальную форму.

– Вот же потроха Черрза! – с досадой восклицает вдруг Эльна. – Боевое! Терпеть не могу зеленый. Буду ходить, как жаба. Вместе с тобой, кстати, Летхит.

Что ж, для меня мой перевод был ожидаемым. Ведь на боевом – мой наставник, декан Тарр.

2.2

Следующий день полон бытовых забот, так что времени на интриги не остается. Мы получаем форму, учебники и “чемоданчик практикующего мага”, который выдается со второго курса.

В нем травы, магические минералы, несколько артефактов. И самое ценное – мешочек с ладонь размером, с крошкой из энергетических кристаллов.

Каждая крупинка подотчетна, мы обязаны в любое время дать детальную расписку, что и куда потратили.

Мирейя проявляет дружелюбие, но я держу ушки на макушке, понимая, что новая соседка наверняка каждое услышанное от меня слово относит Керейне в достойной упаковке.

После обеда на текстолеты адептов приходит сообщение, которое переворачивает все течение дня.

“Внимание студентам всех курсов. Торжественное открытие нового учебного года состоится завтра. А сегодня будет сделано важное объявление в большом зале конференций. Явка обязательна”.

И указано время – ровно через час.

Мы с Мирейей в это время вдвоем в комнате, раскладываем учебники. Смотрим друг на друга в удивлении.

– Не знаешь, что это может быть? – интересуюсь, так как студенты старших курсов обычно знают несколько больше.

– Понятия не имею, – с сожалением отвечает соседка, – Кери ничего не говорила. Значит вообще какая-то новая замута, с утра никто не знал ни о каком объявлении.

Оставшийся час проходит в томлении.

Я вламываюсь в комнату Эльны и Кирсеи, чтобы как-то скоротать время. У меня нехорошее предчувствие, что предстоящие новости связаны с пресловутой комиссией.

Впервые вижу помещение, две половины которого настолько друг другу противоречат.

Кровать, полки и стол Кирсеи – воплощение порядка. Пугающее, неестественное. На части Эльны – филиал ведьминского салона. Не хватает только котла для варки зелий. В рядах кукол бывшей соседки вижу пополнение. Как минимум три новых игрушки, одна другой жутче.

– Есть версии, что нам сообщат сегодня? – спрашиваю у приятельниц.

– Явно ничего хорошего, – мрачно отвечает Эльна, – это Мракендарт. Место где чудеса боятся.

– Обычная рабочая информация, – морщится Кирсея.

– Кирс, – вырывается у меня, – скажи, ты нормально себя ощущаешь?

– Более чем, – спокойно говорит она, – и родители считают, я повзрослела. Хотя младший брат все лето хныкал, что со мной стало неинтересно. Но ему просто надо вырасти.

Меня в очередной раз поражает, насколько невнимательными могут быть родители. Неужели, вернись я с пустым взглядом и без любимых недостатков, мама тоже бы радовалась моему взрослению?

Вдруг подумалось, что нечто подобное происходит с людьми по жизни безо всякой магии.

Постепенно уходит задор юности, наивность и открытость детства, заталкиваются поглубже заветные мечты.

Доверие к миру сменяется цинизмом.

И вот он, новый взрослый. С другими ценностями и способами решения проблем. Просто это обычно занимает годы, а то и десятки лет. А в случае Мракендарра ароматы юношеской весны высосали за несколько дней, отобрав энергию чистоты и искренности для подпитки кристалла Черрза.

Но ни к чему вся эта философия.

Я дожидаюсь назначенного времени и вливаюсь в один из ручейков адептов, что стремятся в главный корпус.

Народу уже много, я еле нахожу сидячее место, втискиваясь между двумя незнакомыми адептками.

Возбужденный, озадаченный гул в зале не смолкает, пока его не перекрывает низкий, мощный голос:

– Адепты Мракендарра!

Взгляды обращаются на сцену, где находится один - единственный мужчина. Высокий, светловолосый, в темно-синем костюме.

– Поздравления с началом нового сезона будут завтра, – продолжает он, – а сегодня позвольте представиться. Дагнер Эфлон, лорд Рейендар. Временно исполняющий обязанности ректора академии Мракендарр.

2.3

Дагнер Эфлон, лорд Рейендар, выглядит так, словно не только он сам, но и весь мир знает ему цену. И неустанно трепещет перед величием верховного судьи Зойдарса.

Мне в принципе непонятно, зачем столь значимой фигуре еще и влезать на верхушку академии Мракендарр.

И от этого лорд кажется мне личностью крайне отвратительной, а к ректору Талироди я из принципа испытываю чуть ли не дочернюю преданность.

– Эта новость может быть воспринята вами неоднозначно, я понимаю, – снисходит до пояснений Эфлон-старший, хотя тут он не прав. Думаю, не я одна совершенно однозначно реагирую на явление лорда в академию. С резким неприятием.

– Но уверен, все вы войдете в положение комиссии Зойдарса, – мне показалось, ледяной взор Дагнера Эфлона полоснул прямо по мне. Вздрагиваю от нехорошего ощущения.

– Почему я ставлю вас в известность сегодня? Чтобы завтра начать учебный год привычным образом. Без громких заявлений. Кирр Талироди отстранен от должности до окончания расследования нашей комиссии.

– Но почему его надо было отстранять? – к своему удивлению узнаю голос Керейны Зелет и чувствую к ней что-то вроде уважения.

А вот Дагнер Эфлон таким не страдает. Он снисходительно хмыкает.

– Как раз это вряд ли нуждается в пояснениях для разумных людей. В вашей академии в прошлом году погибло два человека. Сотрудник Маркендарра, пусть даже низшего звена, и адепт. Что вообще недопустимо! Кроме того, в академии орудовало тайное общество под

началом одного из деканов. И всему этому попустительствовал ректор Абрал Талироди. Так что, не желаю больше слышать подобных вопросов!

В голосе лорда Рейендара звучат лед и металл. От его слов пробирает мороз и в то же время кидает в болезненный неприятный жар.

– В течение ближайших недель многих из вас ждут беседы с дознавателями. Попрошу отнестись к этому серьезно и с пониманием. На этом у меня все. Можете идти, жду завтра на церемонии открытия нового учебного сезона.

Дагнер Эфлон молча и с достоинством уходит со сцены, провожаемый сотнями напряженных взглядов.

Некоторое время никто не двигается. Всех парализовали новости.

Гул голосов накрывает уши резко и пронзительно.

Я слышу панику.

В такой академии как Мракендарр перемен не любят, их боятся, как всего, что выходит за рамки привычного.

Надо сказать, наше привычное – это не хороводы на полянке с феями, а напряженная, выматывающая порой учеба. Постоянное преодоление своих несовершенств, вызванное перевесом одного из видов магии.

Мы – “мрачняки”, “материалы”. Лишенные природного баланса частиц энергии в магической оболочке, эфирее.

Для нас каждый новый день – испытание на прочность, на умение совладать с собой. И дополнительные сложности пугают.

– Не понял, кирр Талироди арестован?

– А кто такой этот Эфлон, не родственник ли Вальдера?

– Какой видный мужчина!

Голоса звучат внахлест.

– Летхит! – врывается зов Эльны Талфин, моей бывшей соседки. – Вот ты где. Пошли к нам с Кирсеей, обсудим этот мозготряс.

Принимаю ее приглашение с благодарностью.

Девчонки живут как и я, на третьем этаже. С тоской смотрю на кукол Эльны, они теперь кажутся мне утраченными родственниками.

Кирсея садится на свою кровать, сложив руки на колени. Спокойно смотрит на нас.

Вернется ли к ней часть души, высосанная кристаллом Черрза?

Эльна словно отвечает на мои мысли.

– Сдается мне, лорд всех блондинов сейчас наплюет на планы Талироди. Ректор обещал в этом учебном году найти артефакты, через которые ограбили Кирсею и прочих. А Эфлон в лучших традициях своей семейки будет топить за приличия.

– И к чему ты сейчас ведешь? – настораживаюсь я.

– Вот не притворяйся, что тупишь и не поняла! – фыркает Эльна. – Конечно же, мы сами найдем все эти побрякушки. Тем более что примерно знаем, как они выглядят.

2.4

Идея Эльны мне кажется такой же безумной, как и гениальной.

Собственно, какие еще есть варианты?

Абрала Талироди устранили на неопределенное время, а комиссия во главе с исполняющим обязанности ректора нацелена вовсе не на то, чтобы помочь пострадавшим.

Все понимают, что главное для нее – рассмотреть законность и целесообразность иска родителей Милона.

Мне кажется, сам бы он возражал. Не захотел бы наш самоотверженный Ханиш этих разборок. Но его семью можно понять.

– Удалось установить личности тринадцати пострадавших, – монотонно говорю я, тем самым стараясь придать какой-то серьезности нашему немислимому расследованию, – а предмет мы знаем только один, монету, которую вертела в пальцах Кирсея.

Услышав свое имя, Кирс оживает.

– Девчонки, – говорит она, – я многого добила за последние месяцы обучения на первом курсе. И сейчас чувствую бодрость и желание покорять лестницу магических наук. Так что не заморачивайтесь никакими монетками, я точно не хочу становиться прежней.

– Совсем девка сдурела, – заключает Эльна в своей неповторимой манере, – была живая и сообразительная, стала селедкой лупоглазой, и еще тащится от этого!

– И как вы собираетесь искать эти артефакты? – спрашивает Кирсея.

– У ректора Талироди была собрана база, – невозмутимо отвечает Эльна, – там куда больше информации, чем он успел озвучить. Так что главное – приделать этой папке маленькие ножки.

Красноречиво смотрит на меня, и я понимаю, чьи ножки она имеет в виду. Хуже, что это слышит Фелиндрикс из моей сумки. А значит, уже принял задачу и его не остановить. Мой фамилляр себе на уме.

Спорить при Кирс не хочется, она до сих пор не знакома с Филей в действии.

Возвращаюсь в свою комнату и сталкиваюсь там с той, кого видеть точно уж не хочу ни при каком раскладе.

Керейна Зелет пришла навестить подружку. Уверена, до того, как Мирейю поселили ко мне, Зелет не жаждала с ней общаться до такой степени.

Керейна сидит на моей кровати, закинув ногу на ногу. Спасибо хоть прилечь не решила. Лишний раз радуюсь, что Филя теперь всегда со мной.

– Повезло тебе с соседкой на этот раз, Летхит, – бодро заявляет Керейна, – Мира не завалит комнату уродливыми куклами и костями с кладбища.

– Готова променять тебя на всех кукол и пару скелетов, – недружелюбно отвечаю ей.

Мирейя неуверенно хихикает. У нее ситуация двойственная, вроде как она и ко мне в доверие пытается войти, и старшую подружку обижать никак нельзя.

– Ой, ну хватит дуться, – фыркает Керейна, – да, когда ты была мелкой первокурсницей, пришлось тебе устроить парочку испытаний. Так все же на пользу! И потом, нам теперь делить нечего. Точнее, некого.

Она сейчас имеет в виду Вальдера Эфлона? Нашего неповторимого короля Мракендарра и капитана команды по ментелену?

– Ты наконец-то поняла, что обломаешь зубки о ледяного блондина? – интересуюсь почти приветливо.

– Так же, как и ты, – Керейна вздыхает, – мы теперь в одном лагере, детка. Две неудачницы, которыми поиграли и бросили.

Пристально на меня смотрит.

– Ты что же, не знаешь ничего? – спрашивает, удивленная собственной догадкой.

– Что именно? Сегодня главная новость касается папаши Эфлона, а не его отпрыска.

– Угу, значит, не в курсе, – глядит на меня почти с жалостью, – Вальдер Эфлон помолвлен с дочкой герцога Харлаха, Элидеей. Так что обе мы пролетаем со свистом, девонька!

2.5

Вальдер Эфлон

Его словно душат. Изнутри и снаружи. Вальдер наливает в стакан ледяной воды, выпивает залпом.

Мракендарр был его королевством, где он мог устанавливать свои правила, гласные и негласные. Теперь здесь отец.

И если о комиссии Вальдер знал, то отстранение Талироды и назначение отца на его место стали для юноши ужасным сюрпризом.

Отец давит, повелевает, судит. Делает с сыном то же, что и со всем королевством Зойдарс, где уже много лет он – верховный судья.

И хоть Вальдер сопротивляется, дерзит и бунтует временами, в главных вещах он вынужден соглашаться. А как иначе, если на нем вот уже восемь лет лежит ответственность за то, что в семье остался только один сын?

Калерх Эфлон погиб, еще не став взрослым мужчиной. И причина его смерти – неосторожное поведение Вальдера.

С тех пор Вальдер много раз торговался с собой, пока не разрешил себе жить еще и за брата. Стать Эфлоном за себя и Калерха.

Нет, он не потерялся в его тени, оставаясь собой, вольнодумцем и прирожденным лидером. Но были моменты, в которых он жил за Калерха.

И одним них стала помолвка с Элидеей Харлах.

Отцы семейств договорились породниться, когда у герцога родилась дочь. Калерху тогда исполнилось пять лет, а Вальдеру – два года.

Элидея по задумке родителей была обещана Калерху. В аристократических домах такое не редкость.

Но Калерха не стало из-за Вальдера. И когда отец этим летом заявил ему, что договоренности с герцогом Харлахом никуда не делись, Вальд не смог возразить. Перед его внутренним взором вновь появилась ужасная картина. Тело, накрытое белой тканью. И по ней расплзается красное пятно.

– Свадьба будет после того, как ты выпустишься из Мракендарра, – поставил его тогда в известность отец.

– А как же невеста, ей не надо доучиваться? – Вальд все еще надеялся на дополнительную отсрочку.

– Для девиц это не так важно, – пренебрежительно дернул плечом судья Эфлон, – сможет совмещать или учиться заочно.

И вот теперь он, Вальдер, вертит помолвочное кольцо на среднем пальце левой руки, а несвобода стягивает его грудь обручем.

Да, ему известно, что такое обязательства и слово дворянина. Но пока есть время до брака, и он им воспользуется без стеснения. Быть безгрешным от него никто не требует, да и не может.

Он рассчитывал, что комиссия будет недолгой, для соблюдения формальностей. Но поведение отца показывает его намерение задержаться в Мракендарре.

И это вот плохо. Очень-очень.

С досады Вальдер пинает ножку кровати и морщится от боли в большом пальце ноги.

– Вот растяпа, – шепчет он.

Один короткий стук и дверь открывается. Вот черрзова память, забыл запереться изнутри.

– Готов к новому сезону? – отрывисто спрашивает отец, заходя в комнату.

– Я слишком талантливый студент, чтобы как-то особенно готовиться к учебе, – ухмыляется парень.

– Ну-ну, – качает головой судья, – но самоуверенность лучше бы умерить. То, что твой отец выполняет обязанности ректора, накладывает на тебя дополнительную ответственность. Талироды так и не смог призвать тебя к порядку, насколько мне известно. А сейчас придется вспомнить о приличиях, чтобы не опозорить меня, как главу академии.

– Ты решил задержаться в этом кресле надолго? – прямо интересуется сын.

– Как пойдет, – уклончиво отвечает лорд Рейендар, – но знаешь, Вальдер, скажу тебе честно, я устал от судейской работы. Поэтому принял предложение возглавить комиссию. И если пойму, что мне здесь нравится, почему бы не остаться?

ГЛАВА 3

Если бы могла, переиграла начало учебного года полностью.

От первых шагов из дилижанса к воротам до Керейны Зелет в моей комнате.

Еще и соседка не та...

Но я не владею абсолютной магией духа и не в силах управлять временем. Да и никому это пока не удавалось, поскольку разделитель Черрза, к счастью, так и не попал в наш мир снова.

Да и существовал ли этот меч на самом деле? Ведь получается, мятежный дух даже не успел его испробовать в деле.

На следующий после выступления Эфлона-старшего день в Мракендарре чувствуется такое напряжение, что у пролетающих над академией сводит клювы.

По крайней мере, мне так кажется.

Открытия учебного сезона все ждут с замиранием сердца. И главный вопрос, волнующий всех: что с Абралом Талироди? Где он?

О прежнем ректоре ходит множество слухов, самый популярный – Талироди арестовали, и если признают академию, а не только Миркура Тенебриса, виновной в смерти Милона Ханиша, главу Мракендарра будут судить.

Не поленились и предположить, что Дагнер Эфлон решил сместить Талироди и занять его место, а трагедия в Мракендарре пришла как раз кстати.

Я жду торжественного открытия сезона не только из-за нового выступления лорда Рейндара. По нашим с Эльной расчетам именно сегодня подходящий день для набега на ректорат.

В академии полно гостей, будут речи и шатания по корпусам Мракендарра. И на какое-то время ректорат останется без присмотра. Если меня не будет на церемонии, никто и не заметит. А все самое интересное и так растрясут по всей академии, еще устану слушать, так что ничего и не пропущу.

Дождавшись, когда адепты и преподаватели начнут стекаться в главный зал, мы с Эльной скользим бесшумными тенями, на всякий случай чуть ли не вжимаясь в стену.

А чуть раньше я уже выпустила Фелиндрикса, чтобы он первым пробрался на место если там ждет опасность, подал сигнал. Малыш прекрасно умеет отводить глаза окружающим и сможет проскользнуть незамеченным. И сделать кое-что важное, что точно не получится у нас.

Расчет был, что Эфлон еще не успел занять кабинет Талироди, а тот не вынес улики. Кто ему даст-то?

В приемной пусто, секретарь, как и все, на церемонии. Дверь закрыта.

Но Филечка об этом позаботился. Его задачей было дождаться, когда секретарь выйдет, закроет приемную, и тогда добыть ключ. Мой помощник справился. А как иначе?

Беру из кукольной ручки тяжелый металлический цилиндр на массивном брелке.

– И как ты это удержал? Силач! – искренне восхищаюсь малышом, а он в ответ небрежно дергает ушами.

– Восторги потом, – одергивает меня шепотом Эльна.

Дверь в ректорат открывается в два этапа.

Сначала нужно приложить к медной капле под дверной ручкой брелок, плоский, черный, словно из обточенного морскими волнами стекла. После этого откроется квадратная скважина, куда вставляется цилиндр. Щелчок – и мы заходим в запретное помещение, вновь нарушая правила Мракендарра.

Эльна распыляет в воздухе нечто, напоминающее прах. И мне не хочется спрашивать, что это.

– Для того, чтобы наши следы замести, – бубнит бывшая соседка.

Поднимаю большой палец, выражая одобрение.

На кабинете ректора отдельной защиты не стоит, это тоже предсказуемо при смене хозяина и передаче дел. Талироди снял свою магию, а Эфлон еще не применил личную.

Завтра бы мы сюда уже не проникли так легко.

Глубокий вдох – и мы внутри.

Закрываем за собой дверь и бросаемся на поиски артефактов. Если размышлять логически, они должны быть в коробке. А она может находиться, где угодно.

Фелиндрикс поднимается на своих пушистых крыльях, чтобы заглянуть на шкаф. Летит он медленно, самодельные крылышки, собранные мной по перышку в голубятне, не предполагались полноценным птичьим инструментом. Но работают! Потому что Фелиндрикс – воплощенное чудо и главное мое достижение. Круче ожившей Лякси, я считаю. Но ей об этом знать не надо.

Открываю секретер, Эльна смотрит в ящиках под столами. Пока ничего нет.

Филечка топчется по шкафу. Все при деле.

И тут дверь в кабинет открывается.

Мы с Эльной замираем, не сразу решаясь обернуться на вход.

На пороге сразу двое. Смещенный с поста Абрал Талироди и сын временно исполняющего обязанности ректора, Вальдер Эфлон.

– Угу, не нам одним пришло в голову взломать ректорат, пока все чествуют моего папеньку, – говорит нечто непостижимое Вальд.

3.2

– Потрудитесь объяснить, что вы делаете в кабинете ректора, и как вы сюда попали? – строго спрашивает Абрал Талироди.

– Насколько я понимаю, вы здесь тоже не вполне законным способом оказались, – решаю рискнуть.

– Действительно, – усмехается кирр Талироди, – мне помог проникнуть в мой же кабинет адепт Эфлон. Такая вот злая шутка судьбы. Но в любом случае, у вас тут меньше прав находиться.

– Пока мы тут правами меряемся, – встревает внезапно Эльна, – нас всех накроют, как некроманта в чужом гробу.

– И что вас интересует в *моих* владениях, барышни? – Талироди выделяет слово “моих”, а “барышни” произносит с рычанием, получается: “барррышни”.

– Уверена, то же, что и вас, – скрещиваю руки на груди, – артефакты, с помощью которых “настольщики” высасывали частицы энергии у пострадавших студентов.

– Прости, букашель, – дурашливо поправляет Вальдер, – пострадавшими эти ребята точно не выглядят. Это ты страдаешь по поводу того, что подружки перестали с тобой носиться, а занялись учебой.

Талироди бросает на него быстрый взгляд.

– В любом случае, это не был их выбор, – замечает он, – ладно, так тому и быть. Наказать я вас сейчас не могу, исключить тоже. А помощь способных, хоть и вполне разумных студентов нам понадобится.

Абрал Талироди направляется к тому самому секретеру, который я обыскала первым, легким движением руки отодвигает его от стены.

Разумеется, там скрывается потайная дверца, как иначе.

Талироди набирает код на замке, потом прикладывает подушечкой левого пальца.

В стене оказывается очень вместительный шкафчик.

Талироди вынимает по очереди две коробки, ту, что поменьше, передает мне со словами:

– Здесь то, что нам с Хранителями Силы удалось собрать.

Хранители Силы – это клуб Вальдера Эфлона. Я приняла его за тайную организацию заговорщиков, желающих воскресить мрачного духа Черрза.

Бунтаря, который хотел вырвать власть у богов и править Ардилодией, создав армию магов “чистой силы”.

Для этого мракенарр создал меч, разделяющий энергии. Бывший декан начального и общего факультетов Миркур Тенебрис собирался помочь своему кумиру. Подпитывал кристалл, способный извлечь его из небытия, чистейшими частицами души некоторых из студентов. А в образовавшиеся “пустоты” собирался слить ненужные, отсеченные частицы магии.

По замыслу Тенебриса, воскресший Черрз разделит частицы магии у своих верных последователей, оставив чистейшую материю. А лишнее поместит в опустошенных, таких, как Лария и Кирсея. В порядке эксперимента. Такого же бесчеловечного, как и мракенарр Черрз.

Чего я так и не поняла, так это вообще зачем внедрять не востребуемые частицы в людей, а не слить в один кристалл. Но у Тенебриса своя неведомая логика.

– Поспешим, – приказывает Талироди. Смещение с должности не лишило его уверенности и умения держать лицо.

– Фелиндрикс! – поднимаю голову, подзываю к себе фамильяра.

Вальдер хмыкает, а Талироди с неудовольствием смотрит, как малыш прыгает мне на плечо напрямиком со шкафа.

– Значит, ты все же нас обманывала, – сухо замечает отстраненный ректор. А потом резко спрашивает Эфлона:

– Ты знал?

Тот неопределенно пожимает плечами.

Взгляд, которым Талироди одаривает нас с Вальдером, полон осуждения.

Но маг решает промолчать, он закрывает тайный шкафчик, маскирует его, как было до нас, кивает на большую коробку.

– Возьми.

Вальдер беспрекословно подчиняется. Все же у надменного блондинчика есть авторитеты.

Мы покидаем ректорат.

Сую Филе похищенные ключи:

– Верни на место, малыш. Только осторожно.

Фамильярчик кивает и проворно убегает вперед по коридору. Коротенькие ножки быстро семенят, это выглядит и трогательно, и самую чуточку жутковато.

– Вернись в ректорское кресло, исключу тебя с треском, Летхит, – предупреждает Талироди.

– Это не мотивирует вас помогать, – замечаю я.

Эльна выражает свои эмоции недовольным кряканьем.

– А теперь все идем ко мне в комнату, – весело командует Вальдер, – надо обсудить наше совместное преступление.

3.3

У Вальдера Эфлона отдельная большая комната. Даже с собственным ручкомойником.

И обставлена она не по-студенчески. В левом углу с удивлением вижу нечто похожее на верстак и вспоминаю свое первое впечатление от встречи с Эфлоном год назад. Тогда меня удивили мозоли на его ладонях. Вот значит, откуда. Наш король не брезгует ручным трудом и у него какое-то ремесленное увлечение.

В мужскую часть общежития девчонкам вход запрещен, но кто посмеет возразить Вальдеру и Талироди, особенно когда они идут вместе?

У администратора рот сначала открылся, а потом с щелчком захлопнулся.

– А если он кому-то донесет? – спрашиваю я.

– Утром проснется без головы, и он это знает, – скалитися Вальдер. А Талироди смотрит на него с неодобрением.

Эфлон заваливается в кресло, длинные ноги закидывает на стол, жестом предлагает и нам рассестся.

Мы с Эльной занимаем небольшой диванчик, отстраненный ректор садится во второе кресло.

Захваченные в ректорате коробки водружены на стол из красного дерева, с витыми ножками и резьбой на крышке.

Дорогая вещь.

– Сразу хочу сказать вам, девушки, – деловито и спокойно вещает Абрал Талироди, – что погоня за ящичком с артефактами была глупой и напрасной. Все эти безделушки, действительно, помогли заговорщикам ограбить несчастных адептов. Но затем все частицы, или “огоньки”, как их называл Тенебрис, пошли на подпитку кристалла. Того самого, Ирлея, что ты смогла удержать в ладонях. Кстати, ты единственная из смертных оказалась в состоянии это сделать голыми руками и не обратилась в прах.

Чувствую себя идиоткой. Действительно, почему сама до этого не додумалась?

На лице Вальдера снисхождение. На невесту свою так смотреть будешь, хвостатый!

– И что теперь? – спрашиваю с отчаянием.

– Знаешь, что в большой коробке, Летхит? – отвечает вопросом на мой вопрос Талироди.

Мотаю головой. Терпеть не могу ребусы.

– Крошка от кристалла, то, что удалось собрать с помощью засасывающего заклинания, – к счастью, бывший ректор не планировал нас томить и устраивать угадку. Работа предстоит кропотливая. Но теоретически, мы сможем извлечь хоть какие-то крупички похищенных душевных сил. Или не сможем. Но попробовать, в любом случае, надо.

– Вы покинете Мракендарт, кирр Талироди? – интересуюсь с тревогой.

– От меня этого не требуется, – пожимает плечами бывший ректор, – напротив, судья Эфлон запретил удаляться из академии дальше, чем до деревеньки. Я отстранен, но пока не арестован.

И у меня вырывается самый животрепещущий вопрос. Безумный, но если я его не задам, разорвусь на сотни любопытных частичек.

– Почему Вальдер вам помогает? Ведь он...

– Ничего, что я тоже здесь? – перебивает Эфлон. – Вальдер помогает, потому что он не бездумный послушный папенькин сынок, а мыслящая единица.

– Подростковый бунт, понятно, – припечатывает его слова Эльна. На правой щеке блондина проступает розовое пятно, словно моя бывшая соседка ему отвесила удар. Видать, отношения отца и сына весьма животрепещущая тема.

– Кто-то от букашки учится плохому, – ворчит Вальдер.

– Хватит друг друга подкалывать! – одергивает всех разом Талироди. – Сейчас вы не противники, я надеюсь. А те, кто в силах помочь остановить древнее зло.

– Древнее зло? – спрашиваем мы с Эльной в голос. – Но призрак Черрза рассыпался вместе с кристаллом!

– Вы кое-чего не знаете, – вздыхает Талироди, – никто не заметил, что силуэт мракенарра рассыпался, а его меч нет. Ведь все произошло быстро. Пока все кричали, носились туда-сюда и пытались помочь пострадавшим, я наткнулся на артефакт. Разумеется, перенес его в безопасное место... мне так казалось. Но...

– Он исчез, – продолжаю я, замирая от подобного предположения.

– Именно, – соглашается Талироди, – и это был не шкафчик в моем кабинете, а хранилище в старых штольнях. Выработка там давно не ведется, и попасть внутрь очень сложно.

Однако кому-то это удалось. И у него сейчас мощнейшее магическое оружие, которое не должно существовать на свете. Меч разделения эфирия.

3.4

Известие застаёт врасплох. Я думала наивно, что главный ужас уничтожен. Черрза больше нет, и его дикая задумка – создать магов с одним видом частиц, никогда не исполнится. Но кто же мог украсть меч?

Миркур Тенебрис и его помощник Илхим арестованы.

Был ли еще кто-то из преподавателей среди “настольщиков”? Возможно. Среди задержанных их не оказалось, но некоторые заговорщики успели скрыться с места происшествия. А так как и сами члены клуба не знали полный состав своего общества, кто угодно может быть тайным “настольщиком”.

Например, Эдирада Плихан, правая рука Тенебриса и его преемница.

Или профессор Тарр, мой теперешний декан и наставник. Да мало ли кто?

Мы договариваемся, что я, Эльна и Фелиндрикс соотнесем артефакты-пустышки с их возможными жертвами. Задача сложная, но выполняемая.

Больше нам пока ничего поручать не собираются.

– Букашка, кстати, жду на тренировке послезавтра, – заявляет Вальдер, когда мы уже собираемся расходиться.

– Я думала, моя роль в команде отыграна, – удивляюсь этому распоряжению, – ты же говорил, до конца учебного года.

– Тогда я еще не знал, что финальную игру перенесут на осень, – поясняет Эфлон, – а теперь еще и команду надо формировать, нужны пять новеньких. Так что, тебя никто не отпускает.

Меня эта новость радует, но я стараюсь не показывать. И дело вовсе не в капитане Вальдере, великолепном и прекрасном. Я все больше удовольствия находила в игре, оценила азарт и неповторимый эмоциональный и энергетический заряд от успеха, которого не давало мне больше ничто в такой степени.

Поэтому на тренировку я приду.

Коробку с “пустышками” забирает Эльна. Мы решаем, что так будет безопаснее.

Филя ждет меня на лестничной площадке, он спрятался в нише за небольшой колонной, причудливым напоминанием о древности нашего общежития. Перевожу дыхание, я всегда очень волнуюсь за фамильяра, когда он на опасном задании. И особенное, если я его на это задание не отправляла, такое тоже бывает, гораздо чаще, чем мне бы хотелось.

Мирейя уже дома.

– Ирлея! – радуется она не пойми чему. – Как тебе речь нашего исполняющего обязанности ректора? Ведь правда, он красавчик? И Вальдер так на него похож!

– Публичные выступления – его работа, – сухо пытаюсь отбрехаться, чтобы Мирейя не завалила лишними вопросами. Мне самой очень интересно, что там Эфлон-старший говорил во вступительной речи. Но нельзя себя выдать.

– Ты слишком критична! – осуждает меня соседка. – Ждешь от всех подвоха и получаешь его. Мир дает нам то, к чему мы готовы, и ни на капельку меньше!

– Это тоже из выступления нового ректора? – удивляюсь я.

– Конечно! А ты еще и плохо его слушала? – пыхтит Мирейя. – Он очень мудрый мужчина.

– Он женат, Мира, – напоминаю ей на всякий случай.

– И что? Как источник вдохновения он мне подходит. А большего мне и не нужно, об учебе надо думать, Ирлея!

Последние слова звучат наставительно, соседка явно имеет в виду меня.

– И он такой умничка, что решил всех, кого уличили за преступным ритуалом, поместить в отдельную группу, – продолжает Мирейя.

Ага, что-то полезное я все же от нее могу узнать.

– Как по мне, это странно, – говорю невозмутимо, – ведь все “настольщики” учатся на разных факультетах и даже курсах. Как их обучать всей толпой?

– Ты все же удивительно невнимательна! – хихикает Мирейя. – В следующий раз на собраниях садись рядом со мной, а не со своей сушеной ведьмой. От нее, поди, дурманом пахнет и ты оморочилась настолько, что вполуха все слышала. Они все вместе будут посещать только один предмет, Этика мага. Его будет вести сам кирр Эфлон!

Суровый судья сумел очаровать адептов, как я посмотрю.

Тем интереснее, почему под его влияние не попал собственный сын, упрямец Вальдер.

3.5

Вальдер Эфлон

Три года назад

Свернуть бы этой черной летающей курице со свитком ее тощую шею.

Он до последнего не верил, что слова Кастина Велтры могут оказаться правдой. Ведь он читает мысли и материализует идеи. Разве он не равновес?

Ментальная магия – это дух. Телекинез – сочетание духа и материи.

Но гадкая птица прилетела за ним, и когда он не открыл окно, скреблась когтями и сипло то ли каркала, то ли хрипела.

И Вальдер принял свиток со своей судьбой, нарушающий задуманную им программу. Он ведь собирался поступить в Академию Управления магическими ресурсами. Это была мечта Калерха, брата, погибшего из-за него. Брата, перед которым у него должок.

Но все сложилось вот так нелепо, и отец не собирался ему помогать, хотя наверняка мог бы, разве есть что-то невозможное для верховного судьи Зойдарса?

– Мракендарт основал наш предок, – сказал он многозначительно, – возможно, место славы рода вправит твои мозги.

И вот он здесь, в академии избранных Мраком, где его все раздражает.

– Ты мой сосед? – черноволосый парень с дурацкой прической улыбается ему, показывая все зубы. Великолепный набор, надо сказать.

– Меня зовут Деркей Олтар, – протягивает ему руку, – а тебя?

– Вальдер Эфлон, – отвечает Вальд и швыряет сумку на свободную кровать.

“Поживешь, как все, без привилегий”, – вспоминаются слова отца.

Это значит – в обычной комнате, с соседом, ничего из себя не представляющим.

– В моей семье несколько поколений мрачных магов, – с довольным лицом сообщает Олтар, – а у тебя?

– Я один, – Вальд падает на кровать, не разуваясь, отталкивая сумку, – почему ты говоришь: мрачных? Материалы не обязательно должны быть темными.

– Это я знаю, – соглашается Олтар, – но частицы материи значительно превосходят дух. Именно они в магии ведущие. Большая сила – большая власть! Разве ты этого не чувствуешь, Вальдер? Материя – звучит обычно. А вот мрачность придает магу величие.

– Занятный ты тип! – заключает Вальдер. Этот Деркей начинает ему нравиться. Интересный взгляд на жизнь. И вот уж кто точно не переживает из-за того, что родился не равновесным. Он, кажется, этим гордится.

У Вальда нет друзей, только лишь приятели. После убийства Калерха он отделился от всех, даже от родителей. Возможно, с Олтаром у него найдутся общие интересы. Им самое меньшее, придется делить одну комнату и учиться год вместе.

– Я наведу здесь свои порядки и стану королем академии! – заявляет Деркей Олтар уже после торжественного открытия учебного года.

Вальдер только хмыкает, но ничего не говорит. Деркей из тех, кто рвется в лидеры. Посмотрим, что у него выйдет.

На первой лекции он оценивающе разглядывает своих однокурсников. Ничего выдающегося. Вот что бывает, когда набор в учебное заведение проходит случайным образом, из всех слоев населения. Кто доверил сойкам формировать студенческие группы?

– Эй, что смотрим? – хмурится девчонка, на которую упал его изучающий взгляд.

Высокие скулы, дерзкий подбородок. Смешно выкрашенные волосы, с переходом от русого к лиловому или что-то такое.

– Может, ты ему нравишься, Керейна, – хихикает парнишка рядом с ней.

– А сказать ртом слабо? – Керейна опускает подбородок, смотрит исподлобья.

Кто она такая, интересно? Держится как бастард, желающий выглядеть благородной особой.

– Пока не уверен, что мне хочется с тобой заговорить, – спокойно улыбается Вальд, – дам тебе время проявить себя.

– Да кто ты такой! – шипит девчонка.

– Если не ошибаюсь, – снова вмешивается тот же самый парнишка, – это сын лорда Рейендара. Верховного судьи Зойдарса, между прочим.

Керейна хлопает длинными ресницами, соображая, что сказать. На ее счастье начинается лекция, преподаватель призывает к тишине.

Мракендарт начинает проникать в Вальдера. Не суматошные адепты, косо смотрящие друг на друга, не отстраненные бесстрастные порой преподаватели, а дух самих стен.

Что-то есть в этом месте особенное, мистическое.

Вальдеру нравится слушать его ночами.

Да, после восхода второй луны, Диллона, покидать комнаты студентам запрещено. Это называется: “салатовый запрет”, из-за цвета лучей младшего из светил. Но когда Вальдера останавливали чьи-то запреты?

Он дожидается, пока сосед заснет и тихо уходит.

Кто может его остановить?

Дежурный администратор общежития сладко дремлет. Сторожа делают обход территорий где-то по периметру кампуса.

Вальдер вдыхает полной грудью и задирает голову, любясь двумя лунами. Свет их лучей причудливо сплетается, образуя на небе мозаику. Вальду кажется, он видит картину, сотканную из тончайших лучей.

Розовый и салатовый, а на стыке получается не грязный коричнево-серый, как можно ожидать, а близкий к охристому или оранжевому, но выглядит эта палитра чистойшей. Сложно передать словами красоту ночной небесной живописи.

Вальдер бредет по аллее парка Мракендартара, природа еще выглядит по-летнему.

Надо будет обязательно забраться на крышу. Оттуда наверняка вид просто сверхмагический.

Мысли Вальдера прерывает странный звук, которого тут быть не должно.

Женский плач. Отчаянный, безысходный, переходящий в поскуливание.

Керейна Зелет, та самая гордячка с третьего ряда, сидит на траве, привалившись спиной к стволу древнего дуба и самозабвенно рыдает, дергая себя за цветные пряди волос.

Вальду хочется притвориться, что он ничего не заметил, пройти дальше. Он уже делает шаг вбок, чтобы изменить траекторию пути. Но что-то ему мешает. Совершенно неположные чувства. Сочувствие. Жалость.

В рыданиях девчонки столько боли. Вряд ли она плачет из-за сломанного ногтя или ссоры с парнем. Вальд слышит настоящее горе.

И не выдерживает. Вздыхает и подходит к Керейне, усаживается на корточки перед ней.

– Помощь нужна? – спрашивает деловито, будто не заметил ее плачевного положения. Керейна открывает глаза, размазывает по лицу слезы.

– Что тебе нужно?

Голос у нее слабый, никак не удается сделать его грозным.

– Да вот, проверяю, есть ли тут нарушители порядка, – он старается говорить сурово, чтобы переключить ее на другие переживания.

– Такие же, как ты? – всхлипывает Керейна.

– Эх, а я собирался сказать, что дежурю, – улыбается он.

– Ты первокурсник, хоть и сын лорда, – резонно замечает девчонка. Она не глупа.

Вальдер видит лежащее у ног Керейны смятое письмо.

Девушка следит за его взглядом и хватается бумагу.

– Это... это ... известие, – зачем-то поясняет она.

– Из дома?

– Можно сказать и так, – шмыгает носом, – из приюта. Другого дома у меня нет.

Смотрит с вызовом, но Вальдер будто не обращает внимания.

– И что же там такого произошло? – интересуется он. – Кто-то из воспитателей умер?

Я сочувствую, правда.

Она откидывается на ствол дуба со вздохом. Сквозь зубы говорит едва разборчиво:

– Лучше бы ему умереть. Потому что это уже не он.

– Не понял, – Вальдер устраивается на траве удобнее, – может, расскажешь?

– И зачем мне это? – она глядит на него с любопытством.

– Затем, что мне все равно, что слушать, я наслаждаюсь ночным воздухом. А тебе надо выговориться. И, понимаешь ли, кому-то передавать твою слезливую историю мне точно не захочется. На меня посмотрят как на идиота, если я начну это делать.

И она соглашается. И Вальд узнает совершенно дикую историю о мальчишке по имени Ринар. Он был лучшим другом Керейны, пока не проломил череп и не превратился в кого-то другого. Или во что-то. Вполне здоровое тело с отличным аппетитом и без малейшей искры разума.

– Я искала способ его вернуть, – признается Керейна, а слезы продолжают течь по ее лицу, – изучала магические книги по менталистике. И знаешь, я хотела поступить в целительский колледж, пока не появилась эта сойка.

– Хорошо тебя понимаю, – сердито говорит Вальдер, вспомнив о своем.

– Теперь я здесь, но никак не могу забыть о том, что случилось. Виню себя за это. Ведь если бы не я, он бы не пострадал! Это я потащила его на карьер за камнями. Он даже не хотел, но не смог мне отказать. И там он сорвался.

– Почему ты сейчас рыдаешь? – спрашивает Вальд неожиданно мягко. Трагедия Керейны откликается ему. Она тоже винит себя. Только не в физической, а ментальной смерти близкого человека.

– Один из тех, кто остался в приюте, написал, что Ринара признали безнадежным, и перевели из больничного крыла, где он жил три года, в госпиталь для душевнобольных. А у него ужасная репутация. Бедняга будет в тесной камерке с мягкими стенами. И знаешь, Вальдер, почему мне так плохо?

– Почему? – откликается он эхом.

– Я не знаю, жалко ли мне его, и чувствую себя чудовищем. Перед глазами стоит тот Ринар, мой друг, которого я любила. А потом картинка сменяется этим безумным существом, пускающим слюни, и я понимаю, что ему все равно. И мне все равно, что с ним станет! И от этого меня разрывает надвое, не знаю, понятно ли объяснила.

Внезапно Вальдер приобнимает Керейну за плечи. Он вдруг понимает, о чем она.

Но что было бы, останься Калерх жив и превратись вот в такую форму жизни? Возможно, порой действительно лучше отпустить близкого человека. Потерять его навсегда.

Потому что сейчас и не понятно толком, кому из них с Керейной хуже.

ГЛАВА 4

– И как твои успехи, Ирлея? – профессор Тарр смотрит в упор, постукивая кончиками пальцев по черной отполированной столешнице.

– Получилось найти свой источник силы? Или летом было не до этого?

Декан вызывает меня к себе еще до начала лекций.

Непривычно, что я в зеленой форме. Взгляд то и дело цепляется за юбку цвета бодрой летней травы.

– Не уверена, но... – решаюсь я рассказать о происшествии на чердаке, но на всякий случай не открывать, что это случилось в моем доме, – мне кажется, я столкнулась с чем-то подобным. Но ощущения были противоречивыми.

– И что это было за вещество? – с любопытством спрашивает Тарр.

– Ниалтар. Ночной мрамор.

– Ночной мрамор? – глаза Оскура Тарра округляются. – Ты уверена, что это был он? Где ты его нашла?

Мда, тут проблема.

Разумеется, получив от мамы нагоняй, я не успокоилась, снова собиралась потрогать загадочный камень. Но его уже на нашем чердаке не было. Как я понимаю, он там и не должен был находиться. И вряд ли стоит рассказывать своему декану, какие безделушки мама приносит с работы.

– Это было случайно, – выдавливаю я, – в частной коллекции. Потом ниалтар оттуда забрали.

– Темная история, как ночной мрамор, – с пониманием кивает профессор, – что ж, не буду тебя пока что пытаться. Расскажи о своих ощущениях, почему ты решила, что ниалтар может быть твоим элементом силы.

Сосредотачиваюсь на ощущениях. Вспоминаю в красках, деталях об ощущениях, температуре, цветовосприятии в тот момент.

И довольно связно излагаю Оскуру Тарру, как отчет делаю.

Он слушает внимательно и про писк в ушах, и жар во всем теле от камня при ледяных пальцах, волны огня, сметающие все остальные ощущения на своем пути, чувство невероятной силы, молочные вены, смыкающиеся в окружность на идеально черной поверхности.

– Силу я чувствовала недолго, – заканчиваю свой рассказ, – потом камень словно наоборот, высосал ее из меня. Опустошил и бросил на пол.

– Потому что ты была не подготовлена к ритуалу взятия силы, – взволнованно сказал профессор, – но очевидно, ты можешь взаимодействовать с ниалтаром. И это очень редкая особенность.

– А как мрамор проявляет себя с остальными людьми? Магами и обиходами.

– Обиходы его не воспринимают. Он молчит при них. А на магов действует по-разному, когда вообще действует. Колдун ниже четвертого уровня также не поймет, не услышит, не почувствует пульс камня... какой-там у тебя уровень по школьным бумагам, Ирлея?

– Первый, штрих, – отвечаю тихим, бескровным голосом. У меня настоящее потрясение.

Да, еще на первом курсе Мракендарра я поняла, что магия живет во мне, течет в крови. Но все равно отношусь к ней как к чему-то чужеродному, случайному. А теперь профессор Оскур Тарр говорит о четвертом уровне.

– Твои описания соответствуют ощущениям мага, самое меньшее, шестого ранга, – добивает меня Тарр.

– И это было лишь мимолетное знакомство. Так что да, Ирлея, я склонен с тобой согласиться. Ты нашла свой источник силы. Но пока что и понятия не имеешь, насколько проблемный. Впрочем, с тобой иначе не бывает.

– Что же мы будем с этим делать? – начинаю поскуливать. – Я надеялась, что мой катализатор – нечто понятное, доступное, что можно найти и применить, когда потребуется.

– Мы пойдем с тобой в старые штольни, – заявляет Тарр, – не сейчас, разумеется. В выходной.

– Старые штольни? – поражаюсь, потому что за одни сутки это место всплывает в разговоре уже во второй раз.

– Возможно ты не знаешь, Ирлея, – говорит мой наставник, – но в Ардилодии всего три месторождения ниалтара. И одно из них как раз в горах Мракендарра. Правда, сейчас этот мрамор запрещен к добыче. Из-за его непредсказуемости. Забавно. Если бы ты, Ирлея Летхит, была камнем, то тебя точно звали бы Ниалтар.

4.2

Начиная со второго курса, группы становятся совсем крошечными. Все потому, что поток из тридцати, иногда чуть больше человек, набранных черными сойками, делится на четыре факультета.

И все это происходит неравномерно.

В этом сезоне на боевой попали семеро, включая нас с Эльной.

Но это не значит, что у нас практически индивидуальные занятия по всем предметам.

На общие дисциплины группы объединяются, в одной аудитории на лекциях могут присутствовать сразу два-три факультета.

Разумеется узкие предметы, только по основному профилю, студенты посещают уже только своим составом.

На первой лекции в году мы вместе с менталистами, также выходцами из нашего первого курса, другого не дано.

В “ментал” взяли всего пятерых адептов, и они смотрят на нас с некоторым превосходством. Считается, что их дар чуть ли не ювелирный, штучный, редкой выделки.

Кариан, наша староста на первом курсе, с гордостью оглаживает синий жакет, дышит на сияющую эмблему факультета и полирует ее рукавом.

– Ничего, – говорит она с немного снисходительной улыбкой, – боевой факультет, это тоже очень круто.

– Мы даже во многом похожи, – поддакивает Бетрок Мирен. Задира и мой личный враг, увы зачислен также на боевой.

На стихийный перешли восемь наших бывших сокурсников, а на общий – девять. Так разделился начальный факультет в этом году.

– Слышали, – делится новостями Кариан, – сойки Мракендарра на этот раз доставили тридцать два свитка. И родители шестерых новых адептов хотели отказаться от зачисления, из-за того, что произошло у нас в прошлом учебном году. Но увы, в других академиях этих ребят не ждали. Мол, связываться с теми, чей эфирей насыщен частицами Мрака, себе дороже.

– Вот трусы, – кривится Бетрок, он явно неровно дышит к Кариан, – уже хочу знать их имена-фамилии, чтобы помочь полюбить желторотикам величественные стены Мракендарра!

– Давно ли сам был таким же цыпленком? – язвительно спрашивает Эльна. – То, что ты сейчас зелененький, не значит, что такой уж боевой.

– Талфин, – прищуривается с презрением Мирен, – ты попала на боевку, потому что руководство академии никак не могло сообразить, куда еще засунуть девицу с траурной каймой под ногтями. Иди копайся в костях и не лезь, когда настоящие маги разговаривают.

– Ты давно на дуэль не ходил, Мирен? – спокойно спрашиваю, сложив на груди руки, а внутри все кипит.

Этот паренек явно метит на место блондина Эфлона, но при этом ему до Вальдера как червяку до горгульи.

– Остынь, Летхит, – грубовато бросает Бетрок, но я вижу, что он присмирел.

Некоторые просто неисправимы. Академия в целом, и наш начальный факультет, в частности, пережили такую трагедию, но вместо того, чтобы стать серьезнее и осторожнее, мы снова лезем в драку.

– Приветствую будущих мастеров, – здоровается с нами преподаватель. Его взяли в Мракендарт вместо доцента Илхима.

– Я – магистр материальной магии, Ленон Деломар, – представляется молодой рыжеволосый мужчина с густыми усами, похожими на щетку для мытья полов. Зачем ему под носом такое?

Невольно вспоминаю одного из своих бывших одноклассников, у которого начали бурно расти волосы на лице перед выпускным. К окончанию экзаменов он уже зарос по самые брови.

– Зачем ты отрициваешь ЭТО? – спрашивали его остальные.

– Потому что могу, – гордо говорил он и смотрел на девчонок свысока, намекая, что им такая роскошь недоступна, – потому что могу, дамочки!

Кирр Деломар, как мне кажется, разбил под носом рыжий газон примерно с такими же мотивами, потому что в остальном новый магистр выглядел как вчерашний студент.

– Увлекательнейший предмет, изучением которого мы с вами займемся, – вдохновенно продолжил магистр, – Новейшая история магических практик. На первом курсе вы изучали можно сказать, вводные, очень общие данные. У нас с вами будет конкретика. Только работающие методы, доказанные многократно и применяемые в наши дни. Мы будем говорить о становлении современного магического сообщества. Разве это не завораживает?

– Честно говоря, не очень, – насмешливо заявляет Бетрок Мирен. Его наглость растет вместе с ним.

– Мирен, – шипит Леяра Карлон, третья девчонка на боевом, – ты мешаешь слушать магистра Деломара.

– История – мертвый предмет! – не успокаивается Мирен. Он явно решил прощупать границы и, если выйдет, сломать нового преподавателя. Бетрок грезит о лидерстве, а вот с мыслительной деятельностью у него не все хорошо.

Под рыжей щеткой сжимаются челюсти, так что на щеках Ленона Деломара желваки ходят ходуном.

Аудитория замирает, предвкушая противостояние. Кто кого?

Сможет ли молодой преподаватель поставить на место зарвавшегося юнца-второкурсника?

Мне очень хочется, чтобы Ленон Деломар нашелся, ответил так, чтобы гаденыш Мирен покраснел и утянулся под стол, поверженный остроумным замечанием.

Магистр сжимает и разжимает кулаки, словно хочет наброситься на Бетрока. А тот развалился на стуле и смотрит на преподавателя с мерзкой усмешкой.

И тут со стола позади Бетрока срывается увесистый первый том “Новейшей истории” и с бешеным ускорением врезается в бритый затылок парня.

Мирен орет и падает лицом вниз на стол.

В аудитории взрыв хохота.

– Кто... кто это сделал? – срывающимся голосом спрашивает Деломар.

– Это Летхит! – рычит Бетрок, с усилием отрывая лицо от столешницы. Он с бешенством смотрит на меня, кривит окровавленные, разбитые от резкого и сильного удара губы.

– Кроме нее некому! – делает он странный и нелогичный вывод. Это настолько абсурдно, что все наверняка в это поверят.

4.3

– Я слышан о вас, адептка Летхит.

Пухлые губы под рыжей обувной щеткой выгибаются в обиженную скобочку.

Магистр Деломар оставляет меня после урока, тактично решил побеседовать на перемене, а не при всех.

Бетрока уводят в целительскую. Уходя, он грозит мне кулаком. Что за идиот?

У Ленона Деломара глаза тоже почти рыжие. Светло-коричневые, в оранжевую крапинку.

Молодой магистр испуган, он на первом занятии столкнулся с отвратительным, неприглядным студенческим конфликтом и не знает, что делать.

– Вы известны своим обостренным и не всегда уместным чувством справедливости, которое порой действует во вред общему делу, – продолжает Деломар, – и то, что вы активно участвовали в разоблачении заговора, скорее, побочный эффект, чем ваша заслуга.

Выдав эту резкую, почти обличающую тираду, Ленон Деломар замирает, словно боится моей реакции.

Что ему там обо мне нарасказывали? Я не душегуб какой-то, на преподавателей бросаться, хоть с магией, хоть голыми руками.

– Из этих соображений вы решили поверить Бетроку Мирену? – спокойно спрашиваю, а внутри струна натянулась, вот-вот лопнет.

– Поймите, керни Летхит, – он с шумом втягивает воздух через ноздри, чуть не закашлявшись, – я еще не знаю вас всех лично. Ориентируюсь на объективное мнение руководства и собственные впечатления. И да, вы именно так и выглядите. Как девушка, способная наказать нахала, не считаясь с обстоятельствами. В данном случае это было совершенно лишним.

– Я ничего не делала, – говорю просто, не пытаюсь оправдаться, – но у Бетрока ко мне старые счеты. И он по какой-то причине уверен, что является центром моего мира. Мне до его глупостей и дела нет никакого. Я бы не стала тратить на него силы.

Магистр вздыхает с видимым разочарованием.

Наглеца у него на место поставить не вышло, провести беседу по душам с местной бунтаркой тоже. Полный воспитательный провал. А еще и у студента рыльце разбито.

Подчеркнуто уважительно прощаюсь с ним и спешу на следующий урок.

По расписанию у нас занятие только для боевого факультета, совмещенное с третьим курсом. Очень интересно, как по мне.

Предмет называется “Дуэльные практики”. Очень не хочется оказаться в паре с Бетроком, если уж на то пошло.

Преподаватель – пожилой и очень резкий профессор Максан Рамта. Смуглый, с орлиным носом и пронзительными черными глазами. При этом совершенно лысый, с татуировкой на черепе в виде атакующей кобры.

Он внимательно нас оглядывает, задерживая на каждом взгляд.

Потом с неудовлетворением изрекает:

– Слишком много девочек. Женская магия слишком мягкая. Вам больше подходят бои подушками, нежели жесткие мужские практики.

Парни приосаниваются, горделиво переглядываются. Довольный Бетрок Мирен лыбится и ойкает, хватаясь за пораненную губу.

– Или кто-то хочет доказать обратное?

– Я! – Эльна Талфин поднимает руку явно прежде, чем успела это обдумать.

– Ведьма? – фыркает профессор Рамта. – Что ж, покажите ваши темные штучки. Будете закидывать противника кроличьими лапками или дуть в лицо травяной порошок?

– Это отличный способ отвлечь внимание оппонента, – спокойно произносит Эльна. Но блеск в ее глазах выдает злость.

Мне кажется, наш новый преподаватель специально выводит нас на эмоции. Такова специфика обучения боевой магии.

– Кто составит пару юной адептке... как вас зовут? – профессор пристально смотрит на Эльну, и я вижу веселые искры в черных глазах.

– Эльна Талфин, – четко, ровным голосом отвечает приятельница.

Сразу трое поднимают руки, среди них – Бетрок Мирен и двое третьекурсников.

– Кестор Альви, – командует профессор.

Со своего места поднимается высокий, крепкого телосложения парень с короткими темными волосами. Его улыбка кажется свирепой.

– Да прольется магия! – сипло говорит Альви, направляясь к “дуэльному пятаку”, предназначенному для далеко не безопасных практик.

Эльна уже ждет своего противника, сложив на груди руки.

И кажется, я испытываю куда больше опасений за исход поединка, чем она сама.

4.4

Кестор Альви совершает небрежный жест, словно швыряет в Эльну горсть пыли.

И тут же в ее сторону летит тучка мелких черных частиц, похожих на стайку насекомых.

Боевая материализация. Это что-то опасное, разящее. Сжимаю кулаки и задерживаю дыхание, ожидая, какой отпор даст Эльна.

– Парализующая сажа! – проносится шепот со стороны третьекурсников.

Сумеет ли Эльна вовремя отреагировать?

А она вдруг вытаскивает из кармана морскую раковину, темно-серую, скрученную наподобие рога, и дует в нее.

Альви не успевает усмехнуться, как его сажа летит обратно.

Второкурсники с азартом улюлюкают, принимаясь болеть за свою.

– Черрзова ведьма! – взвизгивает Кестор, проворно запрыгивая на стул в попытке спрятаться от парализующей пыли.

– Атакуй ее! – орет кто-то из половины третьего курса.

– Хорош прятаться! От судьбы на кочку не запрыгнешь! – поддакивает девичий голос.

– У вас тут все такие боевые? – с кривой ухмылкой интересуется Эльна.

– С-с-стер-р-рва! – выдыхает с рычанием Кестор Альви, высоко подпрыгивает, зависая, рисуясь перед девчонками, щелкает пальцами и вокруг Эльны появляется полупрозрачный черный купол, вытянутый, словно его кто-то придерживает сверху.

У меня кровь в жилах стынет.

Это гармалькам, “душащая смерть”.

Под этим куполом враг задыхается, испытывает панику и довольно быстро сходит с ума.

И такие приемчики разрешены на студенческих дуэлях?

Я вижу, как Эльна хватается за горло.

Смотрю на преподавателя. Профессор Максан Рамта спокоен, кажется, он даже зеваает!

Не зря боевое отделение называют “факультет выживания”.

Адепты возбужденно перешептываются, делают ставки, удастся ли Эльне выбраться из гармалькама самостоятельно.

А в моей душе бешеной летучей мышью бьется страх. Я представляю, как бывшую соседку сковывают судороги, позвоночник сжимают ледяные пальцы, а сознание наполняют дикие голоса.

Я не сразу понимаю, что происходит дальше.

Не отслеживаю горячую волну, обжигающую нутро и вырывающуюся на поверхность.

Воздух разогрелся, задрожал, ясно можно видеть поток, преломляющий свет.

Кестора Альви, все еще картинно парящего над стулом, шарахнуло невидимым кулаком. Запахло палеными волосами. Значит, волна все же очень горячая.

Голова бедняги слегка дымится. Альви неуклюже плюхается на стул, а гармалькам тут же растворяется, и Эльна обрушивается на пол.

– Кто это сделал? – рявкает Максан Рамта. – Кто вмешался в ход чужой дуэли?

Можно не отвечать, потому что взгляд профессора уже нашел меня. Я единственная стою, опираясь коленом в стол, чуть ли не залезла на него. Так что вопросы, мягко говоря, излишни.

– Дайте-ка, угадаю, – на лице профессора Рамты кислое выражение, – Ирлея Летхит?

– Она самая! – выкрикивает Бетрок Мирен, радуясь, что я снова куда-то встряла. Это подкрепляет и его теорию.

– Удивительная студентка, которая все время умудряется отличиться, но при этом отличницей не является, – несмешно каламбурит Рамта, – на каком основании, адептка Летхит, вы решили, что умнее и прозорливее учителя?

Его глаза злобно буравят меня, и я понимаю, что уже второй преподаватель на боевом факультете относится ко мне без восторга.

– Гармалькам – смертельное оружие, – говорю и сама слышу, как дрожит голос, – я защищала подругу.

– И почему вы сочли меня способным довести ситуацию до непоправимого? – брови Рамты сходятся на переносице и кажется, одна заходит на другую, настолько он сурово хмурится. – Ваше поведение недопустимо! Я считаю своим долгом оповестить об этой дерзости ректора Эфлона.

– У кого-то счет предупреждений возобновится! – торжествует Бетрок.

– А вам, молодой человек, – поворачивается к нему Рамта, – не знаю вашего имени, адепт...

– Бетрок Мирен, – подсказывает парень.

– Адепт Мирен, – угрожающе продолжает профессор, – вам стоит охладить свой пыл. Не знаю что у вас произошло, вероятнее всего, адептка Летхит вам отказала или что-то подобное. Но я в состоянии выполнять воспитательные функции без вмешательства ретивых отвергнутых любовников.

– Что? – челюсть Мирена отвисает. В зале слышится хихиканье.

– Эй! – подает голос Альви. – У меня волосы сгорели и на затылке ожог. Что с этим делать?

– В целительскую, – машет на него рукой профессор, – сейчас я напишу сопроводительную записку.

Эльна, между тем, поднялась и выглядит вполне нормально.

Возвращается на место, садится рядом и шипит на меня:

– Кто просил вмешиваться? Ты думаешь, я совсем слабачка?

Еще и ей не угодила, надо же!

Интересно, сколько неприятностей я успею нажить до вечера?

4.5

Мракендарр затихает.

Я отвлекаюсь от проблем, закрываю глаза. И под крепко зажмуренными веками проявляется картинка.

Черный глянец ниалтара, а на его поверхности змеятся молочные вены прожилок. образуя замысловатые узоры.

Испуганно открываю глаза.

Тишь и спокойствие. Филя сидит на краю тумбы, голова наклонена вбок. Он выглядит как обычная кукла. Интересно, происходит ли что-то в его голове? Ведь игрушки не спят, чем занято его сознание, если оно есть?

Заговорить с ним вслух нельзя, Мирейя может проснуться и озадачиться.

Но у нас есть другой способ связи. Представляю, что пожимаю лапку Фелиндрикса, глажу его между ушами. Беру на руки.

Все это надо прямо-таки увидеть, в картинках, детально.

Филечка поднимает голову, машет маленькой ручкой.

Хорошо вижу его движения в слабом зеленоватом свете Диллона. Меня это успокаивает и я засыпаю.

Следующий учебный день я встречаю знаменитой. Правда, не о такой известности мечтают хорошие девочки. Но где я, и где они?

За моей спиной шепотки, а в лицо – улыбки.

– Это Ирлея Летхит, – слышу в коридорах Мракендарра, – она двух парней в целительскую определила! И даже третьекурсника-боевика!

– Говорят, ей снова вынесут предупреждение!

– Отсчет пошел!

– Какая дерзкая!

– Еще бы не дерзкая! Ирлея спит с Вальдом Эфлоном, а он вот-вот женится!

Чудесная репутация, исключительная просто... в буквальном смысле. За такие подвиги могут исключить, особенно если исполняющий обязанности ректора – отец парня, с которым меня зачем-то сводят.

Однокурсники встречают поднятой раскрытой ладонью, это символ одобрения. Разумеется, Бетрок Мирен общей настрой не поддерживает.

– Летхит! – короткий оклик декана Тарра срывает меня с места за столом. А я только устроилась и хотела поговорить с Эльной.

Профессор Оскур Тарр, декан факультета и мой наставник, стоит в дверях, сложив руки на груди.

– За мной! – цедит он. И его вид не предвещает ничего хорошего. А то, что декан не счел нужным воспользоваться текстолетом, чтобы меня вызвать, а явился сам, пугает еще больше.

– Вот и допрыгалась наша букашка, – ехидничает Бетрок.

– Будьте женщиной, адепт Мирен, – говорит Тарр, даже не повернувшись в его сторону, – уже пора начинать взрослеть.

Обреченно иду вслед за долговязой плечистой фигурой наставника.

Секретарь в приемной смотрит на нас, раскрыв рот.

Тарр пропускает меня в кабинет вперед себя и закрывает дверь за нами.

Пристально смотрит, и я знаю, что не собирается с духом и не подыскивает слова. Просто ждет, когда я начну оправдываться. Но это я бы на первом курсе так поступила. А теперь матерая стала, молчу.

Декан усмехается.

– Отращиваешь характер, молодец, – короткая, почти неприметная усмешка. Может, он не в таком гневе, как мне сначала показалось?

– Ну и что такое у нас было на “дуэлях”?

– У нас? – невинно хлопаю ресничками.

– Ты поняла! – он раздражается. – Не провоцируй, Ирлея! Скажи, ты сама-то поняла, откуда у тебя столько силы, чтобы сгустить и разогреть воздух? Ты его сделала материей.

– Правда? – искренне поражаюсь.

Оскур Тарр фыркает.

– Так я и думал. Способности мраккиара выбрали не того человека. Что ты делала перед тем, как все произошло?

– Злилась, – честно признаюсь я.

– И все? – уточняет профессор. – Не выполняла свой обычный цикл, в котором ты собираешь внутри себя энергию, пропускаешь ее сквозь все тело и так далее?

Мотаю головой потрясенно.

– И почему же, – в его голосе звенит, как мне кажется, гнев, – вместо того, чтобы крайне озадачиться произошедшим и прибежать ко мне сразу, как все случилось, ты даже не задумалась, откуда в тебе такой потрясающий ресурс?

– Я... не... – в горле появляется комок, который я не могу сглотнуть, говорю сипло. – Со мной постоянно же какая-то ерунда происходит. Спонтанная.

– Спонтанная она, Ирлея, – назидательно продолжает Тарр, – потому что ты так и не соизволила найти время, чтобы разобраться в себе. Чем занята? Очередным великим исследованием? Так сейчас и без тебя все решат, целая комиссия в Мракендарр приехала. А твоя задача – приручить свой дар.

Он молчит несколько мгновений и решительно говорит:

– Собирайся. Я снимаю тебя с остальных уроков. Мы отправляемся в штольни Мракендарра. Думаю, там ответ на мои вопросы.

4.6

Мракендаррские штольни – поистине тревожное и жуткое место.

Я себе представляла их как-то попроще. Заброшенные шахты, камни там и сям валяются. На деле штольни оказываются похожими на горный храм.

Вход в них – в серой гранитной скале с удивительными зелеными прожилками, присмотревшись, вижу, что они светятся изнутри. Едва заметно, но явственно.

– Чтоб у тебя не появились глупые мысли, – говорит Тарр, – предупреждаю сразу: зайти сюда с улицы невозможно. Магический барьер, доступ ограничен.

Чудесно. Но кто-то забрал отсюда меч разделения, факт.

– И у скольких людей есть этот доступ? – спрашиваю, тщательно разбавляя голос девичьим любопытством. Мне просто интересно, а не что-то там серьезное, да.

– Это засекреченная информация, – строго отвечает профессор.

– То есть, вы тоже не знаете? – уточняю невинно.

– Не выйдет, – ухмыляется Оскур Тарр.

– Что именно? – с прищуром смотрю в его глаза.

Мы с профессором стоим у входа в пещеру, словно в сказочную сокровищницу собираемся попасть.

– Не выйдет взять на “слабо”, чтобы я кинулся доказывать свою осведомленность, – мне стыдно, как маленькой глупой школярке, как он меня раскусил, – есть вещи, которые я не собираюсь разглашать.

В таком случае, профессор, вы один из двух моих подозреваемых. Потому что я понятия не имею, кто кроме Абрала Талироди и Оскура Тарра может сюда зайти.

Профессор прикладывает ладонь просто в центр пустоты. И вход в пещеру подергивается рябью. Отпечаток ладони Тарра пульсирует ярко-фиолетовым.

Затем рябь зеленеет и исчезает.

– Заходим, – кивает наставник.

Мы спускаемся к шахтам по лестнице, вырубленной в камне. Но это еще не все.

Когда ступеньки заканчиваются, под ногами обнаруживается круглая пасть глубокого колодца.

Вскрикиваю, когда профессор делает шаг вперед, в зияющую дыру.

Но не обрушивается в бездну, а висит в центре круга.

– Ну что же ты, Ирлея? – раздраженно оборачивается ко мне. – Вперед, за мной.

Сглатываю и на негнущихся ногах повторяю его шаг.

Подошвы упираются в невидимую площадку. Твердую, надежную.

– Вниз, – говорит Тарр.

И тут уж я не могу сдержать вопль, а вдобавок цепляюсь профессору в плечи, потому что мы ухаем вниз с дикой скоростью.

– Без паники, – кричит профессор, наклоняется вперед, вытягивая перед собой руки ладонями вперед, и натывается на незримое препятствие.

Мы с ним находимся в капсуле, надежной, несущей нас в недра скал.

Я успокаиваюсь и принимаюсь озираться.

Мне стыдно за свой страх. Отпускаю не без смущения пиджак декана. Вокруг нас зеленоватое свечение от вен, пронизывающих гранит.

Внизу не вижу ничего.

– Глубина здесь впечатляющая, так что дышать будет трудно, – как ни в чем ни бывало замечает профессор.

Ноги касаются каменистой поверхности. Спуск закончился, невидимая кабина исчезает по хлопку Тарра в ладоши.

Все еще не могу отделаться от ощущения, что нас ждет пещера сокровищ.

– Здесь несколько этажей, – сообщает наставник, – мы на самом нижнем, в недрах.

Грудь сдавливает.

– Воздуха мало, – замечает Тарр, – но система вентиляции здесь работала раньше неплохо, так что не задохнемся.

Влажность тут повышенная, настолько, что воздух кажется облегающим, густым.

Сырой запах пропитывает волосы.

Шаги звучат глухо и как-то неправильно. В зеленоватых сумерках, создаваемых светящимися прожилками-венами скалы можно рассмотреть и пол, и стены.

– Направляемся в скрытый “карман” северной штольни, – поясняет профессор, пока мы идем по бесконечно длинному коридору, и я с благоговением представляю, какая громада над нами, – в нем последние добытые, но не извлеченные на поверхность ниалтаровые плиты. В мире исчезли маги, способные управляться с магией этого камня. И если ты окажешься наследницей древней силы, это изменит многое.

Свод коридора становится выше, да и пространство расширяется. Мы попадаем в небольшую пещеру, или “карман”, как выразился Тарр.

И естественная подсветка заканчивается. Лишь небольшой кристаллический фонарь в руке профессора дает рассмотреть то, что внутри.

Я замираю, понимая, что оказалась внутри ниалтаровой комнаты. Ее стены выглядят, как темное зеркало, поглощающее тот немногий свет, которым мы располагаем. Чтобы хоть что-то разглядеть, приходится приглядываться.

В центре кармана – три плиты с отколотыми краями. Я замечаю в стене выемки в форме этих кусков черного мрамора. Добытчики камня нарушили целостность природной ниалтаровой пещеры, и смысла в этом не было, мрамор не вынесли на поверхность.

Вздрагиваю, отметив движение боковым зрением.

Мне показалось что по стенам справа и слева от меня ползут змеи. Белые, гибкие, подвижные.

– Это мраморные вены, – тихо произносит Тарр, – они пришли в движение. И это... невероятно и прекрасно.

Не смея вздохнуть, смотрю, как белые линии сходятся передо мной, образуя глаз. Внешний овал и внутренний круг. А в нем – чуть вытянутый зрачок.

– Подойди, – слегка толкает меня в спину наставник, – сосредоточься и постарайся почувствовать, что тебе нужно делать. Я тебе, увы, не подскажу. Это не моя сила.

Киваю, почти не слушая его.

Меня влечет глаз ниалтара. Неживой каменный взгляд проникает в самое сердце.

Приближаюсь к непроницаемому зеркалу, не дающему отражения и кладу ладонь на зрачок.

Вдох-вдох-вдох. Откуда-то я знаю, что так нужно.

Шепчу:

– Научи! Покажи!

И тут же проваливаюсь в стену, внутрь черного зеркала. По крайней мере, мне так кажется.

Передо мной на длинной, бегущей слева направо ленте разыгрываются события.

И я знаю, что это не на самом деле, а видение.

Мне не нужно ничего менять или участвовать, нет опасности. Я просто наблюдаю.

Вижу, как растут ниалтаровые горы, а снаружи их обволакивает гранитная толща.

Как демиурги Луч и Мрак вместе прикладывают правые ладони к черному камню, и от их пальцев бегут те самые молочные прожилки.

Слышу низкий голос:

– Ладонь в глаз, три ровных вдоха, на третьем – слово или имя. И смыслы поменяются.

Приятный баритон продолжает:

– Ниалтар не терпит лжи. Слово должно быть правдой.

– Есть усиления, – откликается первый бас, – наследник, якорь, страж. Полнолуние, гроза, тишина.

Картинка распадается надвое, словно рассеченная бритвой.

А за ней – новое видение.

Высокий, нечеловеческого роста молодой мужчина с горящими зелеными глазами, развевающимися белоснежными волосами и такими же крыльями, заносит над головой огромный тяжелый меч с двухцветным лезвием и улыбается.

Поворачивает голову ко мне и произносит:

– Ты моя, Ирлея Летхит. Мне нужны твоя сила и страсть. Без остатка. Скоро увидимся.

И его крылья чернеют.

ГЛАВА 5

– Ирлея! Ирлея!

Свежий воздух, как приятно.

Открываю глаза и вижу небо, а потом скалы. И еще Оскура Тарра. Откуда он здесь?

И где это “здесь”?

Сажусь и с усилием вспоминаю, где нахожусь. Мы были в старых штольнях, искали ниалтар, а нашли, кажется Черрза.

Моя правая ладонь ледяная.

Внимательно смотрю на нее и замечаю, что кожа стала неестественно светлой, но пальцы двигаются нормально. Ноги и руки словно ватные.

– Рано я тебя сюда привел, – резко говорит профессор Тарр, сидящий передо мной на корточках, – не готова ты еще к встрече с силой. А все потому, что не занимаешься как следовало бы. Сыщица-любительница.

Даже сейчас он мне нравоучения читает.

– Что случилось? – спрашиваю, удивляясь своему хриплому голосу.

– А ты не помнишь? – с пониманием кивает профессор. – Так и думал. Ты приложила ладонь к ниалтару и замерла, как будто сама превратилась в камень. Твоя рука стала белой, а под кожей бегали молнии. Предположу, что это нечто похожее на те молочные вены. Ниалтар сросся с тобой. Когда твое лицо стало совершенно неживым, я забил тревогу. Мне показалось, ты можешь не вернуться обратно. Я взял тебя за плечи, но меня просто отшвырнуло назад! Так, что я спиной ударился о стену.

Тарр потирает ушибленное плечо и смотрит на меня с осуждением, будто я специально кидалась профессором в стену.

– Кажется, ненадолго вырубился, а когда пришел в себя, ты уже лежала на полу и возмущительно сопела. Решила прикорнуть?

– Скорее всего, в обморок упала! – не соглашаюсь я.

– Как бы то ни было, разбудить я тебя не смог, пришлось тащить наверх. А это нелегко, между прочим, по такому длинному коридору и с покалеченной спиной.

Оскур Тарр сейчас кажется таким человеческим и даже милым, что я невольно смеюсь.

– Спасибо, декан, – одергиваю себя тут же, – кажется, я передержала руку на камне.

– Что ты сейчас чувствуешь? – спрашивает он серьезно.

– Слабость. Хотя до этого ощущала в себе много силы.

– В прошлый раз у тебя было примерно так же, – напоминает Тарр, – склонен считать, что ты зарядилась от ниалтара, и цикл состоит из самой зарядки, потом магия приживается в тебе, но ты чувствуешь себя не совсем хорошо. Энергия усваивается, и это испытание для слабого девичьего организма. Но впоследствии эффект как на дуэли твоей подруги с третьекурсником. Даже не представляю, какой выхлоп будет от твоего нынешнего контакта с целой пещерой из ниалтара.

– Я видела Черрза, – признаюсь, непонятно, почему. Возможно, потому что Тарр так забавно рассказывал о моем спасении.

– Черрза? – лицо профессора искажается. – Почему ты решила, что это он?

– Просто поняла, у него был меч разделения. И крылья сначала светлые, а потом потемнели.

– И что он делал в твоём видении? – напряженно спрашивает декан.

– Сказал, что ему нужна я и моя сила, вся, без остатка.

– Странное видение.

Тарр поднимается, трясет ногами, разминает плечи.

– Черрза нет. Он был заперт под Мракендарром, а когда попытался проявиться, его уничтожила магия ректора Талироды.

Профессор протягивает мне руку, помогает встать.

– Похоже, эта часть твоего видения была уже во сне. Просто игра воображения. Это все? Мотаю головой.

– Нет, это было как раз последнее, что привиделось. Может и правда во сне. А до этого я слышала советы, как пользоваться силой ниалтара. Но они были такие... расплывчатые, иносказательные.

– Это уже что-то! – одобрительно кивает профессор. – Сейчас мы вернемся в академию, и ты при мне сядешь и запишешь все, что услышала.

– А почему при вас? – я заинтригована.

– Сама по себе ты опять будешь отлынивать, – ворчит Тарр, – побежишь разоблачать еще какое-нибудь тайное общество или играть в ментелен.

– Точно! – бью себя по лбу. – У меня же завтра тренировка, а я совсем о ней забыла.

– Будь осторожна, Ирлея, – хмуро предупреждает профессор, – как бы тебе стадион одним пальцем не перевернуть.

5.2

Слова Оскура Тарра вспоминаю на следующее утро, когда не могу шевельнуть ни единым пальцем. Мне даже чихнуть и то сложно, настолько разбитой себя чувствую.

Перевернуть стадион одним пальцем? Да я себя на другой бок не переверну сейчас.

Со стоном поднимаю правую руку, поворачиваю к себе ладонью. Кожа до сих пор светлая, обескровленная.

Ниалтар точно мой материал силы? Что-то пока все ровно наоборот. А вечером тренировка по ментелену. Предвкушаю язвительные комментарии Вальдера моему состоянию.

Соседка уже поднялась, и ее щебетание бесит.

– Говорят, ты у декана в любимчиках еще с прошлого года, – без умолку болтает Мирейя, – и на боевой попала только из-за этого. А вчера он тебя вообще с уроков снял. Это правда?

– М-м-м, – отвечаю я. На большее не способна.

– Я не осуждаю, ты не подумай. Оскур Тарр – мужчина видный и не старый, это отличный выбор. Кстати, говорят, он не женат. Но это уже очень откровенно, не находишь?

Хочется отправить ее к Черрзу, но лень шевелить губами.

Нахожу в себе силы швырнуть в Мирейю небольшой овальной подушкой. Увы, мимо, даже попасть не могу.

– Ага, проснулась наконец-то, – невозмутимо комментирует мою вялую активность Мирейя, – я, между прочим, тебе добра желаю, хоть ты мне и не веришь. На самом деле, ты ведь очень героически себя повела на “Три-три-три”. Я сначала хотела сказать: мужественно, но нет, ты же не мужик. А женственно не скажешь. Ты же собой рисковала отважно, а не свои формы показывала.

– А-а-а-а, пощади-и-и-и, – стону я, пытаюсь встать.

Почему ее так много?

Помнится, в прошлом году я частенько расстраивалась из-за нелюдимости и немногословности Эльны. Теперь я эти качества оценила.

– Помолчи хоть немного, Мирейя, – прошу слабым голосом, – а то я натравлю на тебя Ляксю.

– Думаешь, испугаюсь? – соседка лучится улыбкой. – Керейна рассказывала, что она хоть и пришла сначала в ужас, когда твоя горгулья ее похитила и унесла в горы, в целом полет был увлекательным. Организуешь мне такую прогулку, скажу спасибо!

Этот фонтан не заткнуть.

Со вздохом сажусь, ощущая ноги чужими.

– Ты чего сегодня такая общительная? – спрашиваю с подозрением.

– Считаю, мы с тобой уже достаточно живем вместе, пора начать общаться, – заявляет обстоятельно.

– Кирсее ты так же на уши приседала? – осеняет меня. – Поэтому она так легко согласилась стащить мои тряпки из душевой. Я бы тоже что угодно сделала, чтобы не слышать твоего тархтения.

– Год проживания с Эльной Талфин наложил на тебя заметный отпечаток, – с легкой мудрой грустью сообщает Мирейя, – это прям ее стиль хамства.

Внезапно мне становится неудобно перед соседкой. Где мое воспитание?

Поднимаюсь, радуясь тому, что чувствую собственные подошвы ног, беру полотенце и зубную щетку.

– Я умываться, – говорю примирительным тоном, – извини, Мира, плохо спала.

– Еще бы, – отзывается соседка с пониманием, – ты ночью во сне явно с кем-то воевала. Когда ты застонала, я сначала решила, что тебе снится что-то приятное с Тарром или Вальдером. Но потом ты скрипела зубами и бормотала что-то вроде: “Твоя душа должна умереть”. Вряд ли это похоже на любовный лепет.

Все же она ужасно болтливая. Но если не перебивать, можно услышать нечто интересное. Жаль, сама не помню, что мне снилось.

Возвращаюсь из душевой почти воскресшая, хотя еще и слегка вареная.

– У тебя текст разрывался, – сообщает Мирейя, уже полностью одетая и готовая идти завтракать и учиться.

Удивленно беру в руки холодный камешек текстолета. На гладкой поверхности сообщение: “Ирлея Летхит, вам надлежит явиться к исполняющему обязанности ректора академии Мракендарр для беседы”.

5.3

Лорд Рейендар удивительно похож на своего сына. То есть, наоборот. Это наш капитан Эфлон вылитый папочка. Внешне, так совершенно определено. Никакого магического теста на крови не надо.

Исполняющий обязанности ректора принимает меня в кабинете предшественника. Отстраненного от должности им же, как я понимаю.

Синие прищуренные глаза излучают ледяной холод.

Он смотрит оценивающе и вместе с тем, отстраненно.

– Ирлея Летхит, – говорит, наконец, низким, хорошо поставленным голосом, натренированным многочисленными публичными выступлениями.

Верховный судья Эфлон не знает жалости, его невозможно подкупить или напугать.

Сердце лорда из стали, а мозг изо льда.

– Я изучил ваше личное дело. Смутьянка, действующая, скорее, не из расчета или желания навредить. А просто идущая у обстоятельств на поводу.

Он брезгливо морщится.

– Три предупреждения, исключение из академии на торжестве в честь Мракендарра. И полная реабилитация впоследствии. Как одной из спасительниц от Черрза. Полагаю, это тоже случайно вышло.

Лорд Рейендар сидит в кресле ректора, с прямой спиной, без вальяжности. Наверное так же он выглядит на суде. А я себя ощущаю ответчицей.

– Мои заслуги любят обесценивать, – отвечаю спокойно, не допуская дерзости в голосе, достаточно смысла.

– Горячая и за словом в тетрадь не полезет, – равнодушно подмечает Эфлон, – скажите, Ирлея, начинать и новый учебный год со скандала – ваш стиль? Сразу двое преподавателей

подали декану докладные, где упоминается ваше участие в довольно спорных ситуациях. Декан Тарр, возможно, не хотел давать делу ход, но его бдительный секретарь сделала копии. Таков наш новый внутренний распорядок.

Останавливается и снова изучающе на меня смотрит.

– Вы хотите остаться в Мракендарре, Ирлея Летхит? – спрашивает неожиданно.

– Конечно, кирр Эфлон, – подтверждаю оторопело.

– Тогда придется играть на одном поле не только с моим сыном, но и со мной.

Судья усмехается и еще больше напоминает Вальдера.

– Видите ли, Ирлея, мой сын не отличается легким покладистым характером. И особенно в данных обстоятельствах это проблема. Я боюсь, его поведение осложнит мое расследование. И не только. Возможно вы не знаете, но Вальдер помолвлен. И семейство, с которым мы породнимся в скором времени, исключительно высокого происхождения. Я не желаю, чтобы Вальд был замечен в каких-то порочащих его связях.

– А причем тут я? – стараюсь не допустить дрожь в голосе, мелькает безумная мысль, что лорд узнал о нашем с Вальдером случайном поцелуе.

– Вы играете в ментелен в команде Вальдера, – напоминает Эфлон-старший, – и можете заметить перемены в нем. Если он с кем-то закрутит шашни или начнет подбивать молодежь на дикие поступки, вы мне об этом расскажете.

– Предлагаете следить за вашим сыном и доносить на него? – доходит до меня.

– Нет, – качает лорд головой, – вы не так меня поняли.

Не успеваю вздохнуть с облегчением, как он безжалостно добивает:

– Это не предложение. Приказ. Откажетесь, и можете собирать чемодан домой. Уверю, отстранить вас от обучения не составит ни малейшего труда. А это – шанс показать, насколько вы готовы сотрудничать с руководством. И что для вас значит обучение в Мракендарре.

5.4

Невозможный выбор. Покинуть Мракендарр или совершить подлость.

Я должна разгадать последний ребус Черрза, понять, какая у меня связь с ниалтаром и откуда этот камень в моем доме. Возможно, разобраться в смерти папы.

Попытаться вернуть утерянные душевные качества пострадавшим от заговорщиков студентам.

Столько целей!

И между мной и ними встала моя собственная совесть.

Смотрю одновременно на лорда Рейендара и вглубь себя.

Первый порыв – отказаться. Бросить ему в холодное лицо вызов.

Но чего я достигну?

Быстрого и позорного отчисления из Мракендарра.

Согласиться, а потом сказать правду Вальдеру?

Станет ли он молчать, или заявится к отцу для очередного протеста? Увы, мы с Вальдом не то чтобы друзья. Даже после того, как не сговариваясь, вломились в кабинет ректора, не стали ближе. Между нами нет доверия.

Предупреждать его о кознях отца – доброе и безрассудное дело с непредсказуемым результатом.

Но... он не выдал меня, узнав о Фелиндриксе. Вальдер Эфлон не подлец

О-о-о, как же это сложно!

– Обдумываете, как остаться в академии и в то же время обойти мой приказ? – понимающе хмыкает новый ректор.

– Этого не получится, – спокойно предупреждает лорд, – расскажете о моем приказе Вальдеру, обманете сами себя, Ирлея. Он не сможет скрыть своей осведомленности. И меня

провести тоже не получится. Так каков ваш ответ, Ирлея? Времени на раздумья не даю. Говорите сейчас.

– Я остаюсь в Мракендарре, – вырывается у меня.

Да, я никуда не уеду, пока не сделаю главного.

Найду способ не предавать Вальдера, выкручусь, но мое дело нужно завершить.

– Верное решение, Ирлея, – я достаиваюсь холодной улыбки лорда.

Мне становится немного жаль Вальдера. Он вырос с настоящим чудовищем.

– И без глупостей, адептка Летхит, – напутствует меня старший Эфлон, – не советую со мной шутить. Все, кто пытались, уже покинули мир живых.

Он отпускает меня. Выхожу из ректората, и сердце бухает.

Может, стоило возмутиться? Может, это была проверка, которую я не прошла? Разве станет верховный судья, обязанный стоять на стороне морали, требовать подлости от студентки?

Мои чувства скомканы, как бумажка с неудачным вариантом контрольной работы, на котором снизу еще и смешную рожицу пририсовали.

Соглашение с ректором жжет изнутри. Я чувствую усталость, ладонь, помеченная ниалтаром, холодная, пальцы будто набиты ледышками, они еще и колятся изнутри. Мерзкие ощущения, и во рту странный привкус. Ржавый кислый металл.

– Букашка! – окликает меня Вальдер.

Ну разумеется, как иначе-то.

Оборачиваюсь, смотрю на него с интересом. Мы находимся на этаже боевого факультета, что ему тут надо?

– Зашел меня навестить? – спрашиваю, тщательно изображая насмешку, в то время как мне хочется зарыдать и во всем признаться. Да, разговор с судьей подорвал мои и без того истощенные силенки.

– Угадала, – скалится Вальд, – слышал, тебя мой папан вызывал к себе. Ты как, выстояла, или заступиться сходить?

Горло сжимает. Он за меня волновался? А я... я согласилась его предать. Но уж точно не стоит орать об этом на весь коридор, тем более что на нас косятся любопытные студенты.

Решение приходит само собой. Я испорчу и без того натянутые отношения с Вальдом окончательно и уж точно не смогу рассказать ректору ничего интересного о его сыночке. И при этом со стороны не буду виновата. Я же вроде как стараюсь, отчитываюсь, просто ничего не происходит.

Так себе выход, конечно, но мое сознание мечется по пустой черепашке.

– Знаешь, с меня многовато вашего семейства, – говорю грубо, голос звучит хрипло, – спасибо за беспокойство, конечно, но я как-нибудь вырулю сама.

– Ну, как знаешь, – хмыкает Эфлон, – вечером будь на трене. А то мой папа тебе покажется добрым дедушкой по сравнению с моим капитанским гневом.

И этот мне угрожает. Родственнички, что поделать.

Звучит позывной на лекцию, и я с облегчением ухожу в аудиторию. Сейчас учеба, остальное – потом.

5.5

Легко подумать, трудно воплотить, если ты не обладаешь даром моментальной материализации или абсолютным духом, способным менять линии событий.

Это самое “потом”, которое я оставила на будущее, подтачивает меня изнутри, не давая спокойно сидеть на лекции, внимая преподавателю.

Между тем, курс очень важный, особенно ценно, что мы внимаем ему в одной аудитории всем нашим бывшим составом.

Студенты прошлогодного “начального”, теперь уже в форме разных цветов, разведенные каждый на свой ряд, слушают великолепную Эдираду Плихан.

– Как бы, ничего и не изменилось, – усмехается она, оглядывая нас поверх очков, – разве что, только переоделись. Но в основном все как прежде, и адептка Летхит все так же витает не пойми где.

Ее слова доносятся до меня словно через толщу даже не воды, а чего-то густого и обволакивающего, будто я сунула голову в кисель.

Так что декан Плихан права, я действительно краем уха ее слушаю.

– Все же почтите нас своим осознанным присутствием на лекции, адептка Летхит, – говорит Эдирада ворчливо, но слышу в ее голосе теплые нотки. Как неожиданно.

Неожиданно чувствую легкую грусть по былому.

По тому, что было ровно год назад, когда я еще была настороженной, враждебно настроенной девочкой, ищущей подвоха повсюду.

Мы только познакомились с Эльной, которая сразу начала выказывать свое пренебрежение ко мне, с Кирсеей, тогда еще настоящей, суетливой, делающей сотни ошибок, но такой открытой и теплой. И был жив смешной лопоухий парень Милон Ханиш. Отважный, честный, влюбленный в Кирсею. Теплую и настоящую Кирсею.

Этого всего не вернуть. Теперь его нет, а вместо Кирс с нами – некто ее напоминающий.

– Ирлея! – выхватывает меня из новой волны тяжких мыслей голос декана Плихан. – А вам какая из только что озвученных мной тем больше по нраву?

Да что она ко мне привязалась?

Но я не должна вызывать нареканий педагогов, так что виновата сама, чего уж там.

– Четвертая, профессор, – говорю я, подпуская в голос как можно больше уважения.

– И почему же? – заинтересованно допытывается Эдирада Плихан, прекрасно понимая, что я понятия не имею, что там за темы были.

– Для меня это наиболее важно и своевременно! – продолжаю топить себя, погружаясь в трясины лжи по уши.

– Как необычно! – профессор Плихан с энтузиазмом разрубает воздух ребром левой ладони, отчего получается осязаемый разрез, который тут же идет фиолетовыми мелкими цветочками.

– Уважаю ваш выбор, Ирлея. Значит, будете писать курсовой проект по теме “Создание бытовых вспомогательных оракулов из подручных магических материалов”. И в качестве практики соберете своего собственного оракула. Признаться, я впечатлена! Вы первая за десяток лет, кто вызвался выполнять такую сложную задачу. Многие ее считают непосильной!

– Но... – теряюсь, – я на боевом факультете, Прорицательство и Ясновидение – не наш профильный предмет. Он ознакомительный!

– Все верно, – почти благосклонно кивает Эдирада Плихан, а в глубине глаз, под стеклами очков, плещется торжество.

– Ваш проект должен быть выполнен с учетом специфики вашего основного факультета. То есть, вы обоснуете применение оракула в сферах боевой магии. И для всех адептов: на втором курсе преподаватели распределяют итоговые проекты между студентами сами. И я не могла не выбрать адептку Летхит, коль она готова взяться за такую интересную тему. Сегодня же оформлю заявку на имя декана Тарра.

Вот же я вляпалась! Теперь мне весь год собирать карманного предсказателя.

А между прочим, не берутся за этот проект по одной-единственной причине, которую все знают: сколько студентов за все время обучения в Мракендарре не пытались создать оракула, ни у кого он не работал.

Все же мне стоит быть внимательнее на лекциях и практикумах. Одна надежда, что декан Тарр, еще как и мой наставник, отклонит заявку Эдирады Плихан, потому что уже подобрал мне другую тему курсовой.

ГЛАВА 6

– Нам дали новую тренировочную площадку, – Вальдер поигрывает мускулами, разогреваясь перед активной работой, – и сегодня с нами будет заниматься инструктор Йохман.

Капитан выстроил нас на пяточке перед раздевалками, чтобы сделать важное объявление.

– И еще. Представляю вам новых членов команды. У нас сегодня их трое... Еще двоих я подбираю.

Вальдер хлопает в ладоши, открывается дверь ближайшей раздевалки, выходят двое парней и девчонка.

Я открываю рот в изумлении. Самым первым вышагивает Деркей Олтар, за ним – Бонна Хлада. Она тоже была в его клубе “настольщиков”! Сейчас, если правильно помню, должна учиться на четвертом курсе “стихийного”. Третий из новичков вроде бы чист, но кто знает? Клуб был настолько скрытным, что полный список лишь у Деркея, Илхима и Миркура Тенебриса.

Ребята в команде переглядываются. Что вообще происходит.

Деркей смотрит прямо на меня с усмешкой. Я удивлена, в первую очередь, тем, что его не исключили или даже не посадили в соседнюю камеру с Тенебрисом. Да, заблудших адептов решено вернуть на путь мрачной морали.

Но у меня нет уверенности, что Олтар именно заблудился. Как по мне, он шел своей кривой дорожкой осознанно.

Деркей подмигивает мне. Эфлон замечает это и сжимает челюсти. Я вижу на его напряженных скулах легкую щетину. Ему очень идет. Отмечаю это помимо воли, так же как и мимолетное желание провести пальцами по этой поросли, почувствовать, колючая она или мягкая. Дикое и тупое желание.

– Привет всем, – несмело говорит Бонна.

Она сменила прическу, перестала утягивать волосы в косички так, будто их выжимает. Подстриглась, и теперь у нее вполне объемная прическа, а естественный шоколадный цвет смотрится довольно привлекательно. В больших серых глазах тень испуга.

А главный баламут Мракендарра, обаятельный злодей Деркей совершенно не смущен.

– Почему Олтар в нашей команде? – спрашивает потрясенно Гелера, правый вратарь.

– Такова воспитательная программа исполняющего обязанности ректора, – сдержанно отвечает Вальдер, – поэтому у нас двое “смутьянов”.

Он указывает на Деркея и Бонну.

– А что насчет тебя? – строго спрашивает Гелера у третьего новичка.

– Мейран Кливит, – представляется парень, – третий курс “Общих знаний”. В настолки не играю, заговоры не приемлю.

Деркей громко хмыкает. Вид у него вполне довольный жизнью и даже самоуверенный.

Я знаю, что он всегда хотел играть в ментелен. Но при этом – быть капитаном, никак не меньше. И в короли академии он до сих пор метит. Так что нам грозит серьезное противостояние. Представляю, насколько уязвлен Деркей Олтар тем, что его направили на перевоспитание к злейшему врагу и конкуренту! Тому, кого он пытался завалить на выборах короля, уничтожить, выдав его слабое место, напомнив о тайне, которая наверняка делала жизнь Вальда невыносимой.

Нет, мы с Эфлоном не обсуждали пространно гибель его старшего брата. Но я уже успела заметить, что Вальдер не такой отмороженный на всю голову подонок, каким часто хочет казаться.

И наверняка смерть брата – одна из худших страниц его жизни. А Деркей Олтар безжалостно пролистал к ней биографию соперника.

Ох, что теперь будет!

6.2

Команда для тренировки формируется полностью, не хватает только запасных, которые должны изображать противника вместе с фантомными соперниками.

Инструктор Йохман критически осматривает нас, таким же взглядом, как мои одноклассницы в раздевалке изучали Бонну Хладу. А я вспоминала при этом собственную первую встречу с командой и старалась подбодрить девчонку, но без излишнего усердия. Все же она – член тайного общества заговорщиков.

– Собираетесь взять кубок Мракендарра? – спрашивает Йохман, прищуриваясь.

Инструктор высок, даже слишком. На две головы выше довольно-таки рослого Вальдера, но при этом не так атлетичен. У него нет развитого торса и широченных плеч Эфлона.

Йохман – это сплошь мышцы и сухожилия, ни капли жира. Длинные ноги, как у гончей, невероятные руки, оплетенные буграми мускулов и дорожками вен.

Он коротко стрижен. Настолько коротко, что под светлым ежиком просматривается кожа.

У Йохмана ястребиный нос и тонкие подвижные губы. В академии его называют “Бог ментелена” и он оказывает поддержку всем командам.

Ментелен – спорт, в котором нет тренера, закрепленного за конкретной группой игроков. Институт тренерства отменили после крупного скандала на весь Зойдарс.

Тогда несколько специалистов вступили в соглашение и устроили договорной сезон. Победы и поражения покупались и продавались.

Когда все это вскрылось, проверили остальные академии. Комиссия выяснила еще три подобных случая. Оказалось, что это по сути рынок! Ставки, договоры, большие деньги.

С тех пор студенческий спорт перевели в особый статус. В академиях есть самое большое два инструктора, задача которых – обучать все команды приемам и секретам ментелена. А на выездных соревнованиях все встречи инструкторов регламентируются. Ставки в студенческом спорте запрещены категорически королевским указом и его нарушение грозит серьезным наказанием как для организаторов, так и для тех, кто им платит.

– Покажи мне костяк команды, Эфлон, – требует Йохман, – игроки, которые делали прошлый сезон.

– Гелера, – Вальдер подзывает игроков по очереди, – Бейлат, Имрош.

Трое ребят встают перед инструктором.

– Летхит!

Ладонь Вальдера указывает в мою сторону.

Серьезно? Я – часть ядра команды?

Даже не знаю, гордиться этим или огорчаться. Я, помнится, собиралась обострить конфликт с Вальдером, а не влезать в любимчики капитана.

Вальд подзывает еще двоих участников команды и останавливается.

– Всего две девчонки? – хмыкает инструктор. – Ты недооцениваешь женские энергии в ментелене, здоровяк.

– Я исхожу не из половой принадлежности, а ценности для команды, – невозмутимо замечает Вальд.

– Понял тебя, – кивает инструктор, – сейчас вас четырнадцать котятков. Половину капитан Эфлон выделил в качестве ядра. Трое новеньких. Один капитан. Значит – трое оставшихся – балласт, который не жалко выкинуть. Так, капитан?

– Нет, – мотает головой Вальдер, – в моей команде нет лишних. Среди тех, кого я сам отбирал.

Сейчас он явно намекает на Деркея. На остальных новичков тоже, но на Олтара особенно.

– Но вся команда не может войти в костяк.

– Запомни, Эфлон, – уголки тонких губ Йохмана симметрично приподнимаются, – играть надо так, чтобы вся команда превратилась в единое, сплошное ядро. Так что, вопрос был с подвохом. Обычно капитаны допускают одну общую ошибку: вкладываются в тех, кто и так силен. Выпячивают звезд, ставят на выгодные позиции. Но этим ты не усилишь команду, Эфлон. Только создашь брешь из игроков, которых считаешь слабыми.

Йохман смотрит на тех, кого не выбрал Вальдер.

– Вы, трое задохликов, – говорит он, совершенно не боясь ранить студентов, двоих девочек и парня, – получите от меня программу развития. Подойдите после тренировки. А сейчас начинайте, я наблюдаю за вами.

И мы начинаем.

Капитан Вальдер расставляет нас по позициям, включает раздачу магии, чтобы все вместе мы создали полноценное игровое поле с имитацией противника.

“Как бы тебе стадион одним пальцем не перевернуть”, – вспоминаю я слова Тарра и угрюмо хмыкаю, вставая на ворота.

Я все еще вялая после того, как у меня ниалтары все силы высосали. У профессора явно пробелы в знаниях о ночном мраморе.

6.3

Стою на своих воротах, тараща глаза изо всех сил. Рот пытается разъехаться в зевке. Усталость – мое основное чувство в последние дни и часы. Какая тут тренировка может быть? Если только тренировать способность восстанавливаться во время сна.

Остальные члены моей команды стараются впечатлить инструктора Йохмана. Игра идет так напряженно, как и на соревнованиях не всегда бывает.

Платформы чудом разлетаются, не врезаюсь друг в друга. Отвлекающие чуть ли из тапочек не выпрыгивают, чтобы показать свой пыл и спортивный рост. Хотя отвлекать им особо некого, так как противник демонстрационный.

Отвлекаюсь и летящий прямо в меня мяч замечаю в последний момент. Вид твердого “ежика”, который вот-вот впечатается в центр лба, подстегивает неожиданным образом, реагирует не сознание, а мое тело. Причем тонкое, магическое, которое у меня почему-то сосредоточено внутри, а не как у нормальных магов.

Делаю отскок назад и выбрасываю перед собой правую руку ладонью вперед. И чувствую, как воздух между мной и злосчастным мячом колеблется. Шипастый шарик отлетает назад с такой скоростью, что начинает дымиться и по пути врезается в одну из платформ с защитником, пробивая ее насквозь. Платформа тут же ломается надвое, бедняга-игрок падает на траву.

Кроме этого, отдачей сносит и ворота за моей спиной.

Значит, Оскур Тарр не ошибался. Сила во мне спала, а теперь резко активизировалась, грозя разнести тренировочный стадион.

Боковым зрением отмечаю, что справа от меня двоих отвлекающих словно порывом ветра с ног сбило.

Ох, мамочки, что ж я тут понаделала-то!

– Летхит! – орет Вальдер Эфлон. – Ты что творишь? Тебе просто нужно было отбить мяч, а не раскидывать членов своей команды!

Инструктор Йохман поднялся с места, где намеревался вальяжно посиживать и смотрит на меня с растерянностью. Это выражение редко гостит на его лице, я уверена. Такие люди, как инструктор, всегда все могут объяснить. Но не меня.

Игра останавливается, Вальд бежит к лежащему плашмя нападающему.

От ужаса у меня потеют ладони, стреляет в спину и сводит желудок. Рот наполняется кислой противной слюной.

Парень не двигается! Неужели я его... Нет! Нет!

– Бейлат! – зовет Вальдер, хлопая нападающего по щекам.

На прямых, непослушных ногах подхожу к ним ближе. Ребята расступаются, пропуская меня со страхом. Сторонятся, боятся соприкоснуться случайно.

Слышится стон Бейла, парень кашляет, морщится, садится с небольшой помощью Вальда и заявляет злобно:

– Бешеная баба!

Вальдер молчит, но на лице у него написано то же самое.

Да и я сама себя ощущаю... тем самым.

– Перерыв! – бросает Вальдер. – Считаю потери.

Бейлат, кряхтя, поднимается, крутит головой, осматривает руки и ноги.

– Вроде целый, – говорит с удовлетворением.

К нам подходят двое отвлекающих, которых я уронила. У Хлады содрана кожа с колена, парень по имени Симлат потирает локоть, на который пришелся весь его вес при падении. Отвратно.

– У вас еще и одних ворот теперь нет, – замечает Йохман, – удивительно, как далеко можно продвинуться, используя силу отдельно от интеллекта.

Это позорище. Щеки горят, а неожиданно проснувшаяся энергия переполняет меня, заставляя тело вибрировать. Как же это не к месту!

– И что ты будешь делать, капитан? – с интересом спрашивает инструктор.

– Для начала проведу личную беседу, – спокойно отвечает Вальдер, – чтобы понять, ожидают ли нас подобные бедствия в дальнейшем.

Йохман одобрительно кивает.

– Идем, Летхит, – резко бросает Эфлон, разворачиваясь ко мне спиной. Он идет по направлению к раздевалкам, и мне приходится следовать за ним.

6.4

Мы заходим в крошечное помещение, в котором одна кабинка, узкая лавка и высокий стеллаж для инвентаря.

– Личная капитанская, – сообщает Вальдер, – никто не потревожит.

Киваю, не думая, что кому-то может прийти в голову нас беспокоить.

Мы стоим посреди комнатки, пропахшей Вальдером. Его душистая вода с древесными нотками, пот, запах которого не вызывает отвращения, что довольно подозрительно.

– Что это было? – спрашивает капитан, приглаживая слегка растрепанные во время игры светлые волосы.

– Тарр говорит, так действует мой источник силы, – смотрю прямо в глаза Эфлону, – отсроченно. На днях я зарядилась, и вот сейчас этот импульс активировался.

– А управлять даром ты не пробовала? – с претензией спрашивает Вальдер. – Возможно, ты не поверишь, букашка, но здесь у каждого есть способности. А у меня их вообще несколько. И все как-то справляются! Даже первокурсники. А ты у нас особенная?

– И что, если так? – смотрю на него с вызовом и злостью, потому что он прав.

– Знаешь, что? – ладонь Вальдера упирается в дверцу кабинки, он придвигается, вынуждая меня прижаться к ней спиной, отрезая от выхода.

– Не сказал бы, что предпочитаю скромных девиц, скорее наоборот, но тебе бы чуть скромности все же не помешало.

– Эти заявления побереги для своей невесты, Эфлон, – слова вырываются со свистом, помимо воли смотрю как двигаются его губы совсем близко от моего лица, на уровне носа.

– А что, букашка, тебя бесит, что у меня есть невеста? – Вальдер ухмыляется. – Не можешь забыть наш жаркий зимний поцелуй?

Зачем он об этом вспомнил? И почему его глаза так подозрительно сверкнули, будто от злости?

– Вот еще! – фыркаю, отшатываюсь и ударяюсь затылком о шкафчик.

– И не вспоминала, пока ты не сказал!

Он не смотрит мне в глаза, его взгляд направлен ниже... теперь уже он уставился на мои губы.

Сглатываю.

Какой неловкий и странный момент.

И очень личный. В горле пересыхает.

– Ты врешь, Ирлея, – он называет имя, и меня пронзает молния от макушки до пяток.

А он повторяет, перекатывая мое имя на языке, размазывая по нёбу, прикусывая зубами и выдыхая мне в лицо:

– Ирлея... и что же в тебе такого особенного, крошка?

Между нами уже не осталось ни воздуха, ни расстояния.

Сердце бьется через раз. Даже не ловлю себя на том, что прикрыла глаза. Просто делаю это.

Момент становится тягучим, как мед, льющийся из деревянной ложки.

Вальдер резко отстраняется, и я это не вижу, чувствую. По движению воздуха.

Открываю глаза. Эфлон тяжело дышит, словно выпрыгнул из воды, где чуть не утонул.

– Да ты на все готова, букашка, – говорит прерывисто, с усилием.

Я неосознанно облизываю пересохшие губы и ловлю его жадный взгляд.

– Что тебе нужно, Эфлон? – стараюсь вернуть его к теме беседы. – Ты меня позвал для подросткового заигрывания или поговорить, как капитан?

Кривая усмешка.

– А ты хороша, – замечает Вальдер, – умешь взять себя в руки в нужный момент.

– Ты тоже, – стараюсь говорить холодно, но голос подрагивает.

– Даже жаль, что я помолвлен, – хмыкает Эфлон.

– А мне жаль твою невесту, – почти рычу я.

– О, не переживай, – смеется Вальдер, – у нее все отлично. Но вернемся к делу.

Внезапно он надевает капитанскую личину.

– Я не собираюсь сейчас менять вратаря, поняла? Так что будь добра, веди себя как взрослый маг, а не младенец, которому мама дала боевой артефакт вместо погремушки.

6.5

Что это такое было? Зачем меня провоцировал Вальдер Эфлон. И ведь спровоцировал же!

Я злюсь на себя, потому что поддалась ему. Реши он поцеловать меня, я бы не стала сопротивляться. И это бесит!

Он – мой недруг, несмотря на то, что мы вместе оказались в кабинете ректора и некоторым образом оба в деле.

Его отец вынудил меня согласиться за ним следить, и я не могу в этом признаться, потому что не доверяю Вальдеру.

Зачем, зачем я позволяю еще больше запутать эту и без того паршивую историю?

Я ненавижу его, этого самодовольного красавчика, знающего, что его холодному обаянию невозможно противостоять. Но меня к нему тянет, как и многих.

Тренировка прервалась, но не отменилась. Мы продолжаем, все оглядываются на меня с опаской. Ворота пришлось взять запасные, со второй половины поля.

Прислушиваюсь к себе, но эта силища лихая свернулась змеиным клубочком где-то в груди и мирно посапывает. Почему-то так мне это представляется.

На меня смотрят все: команда, Йохман, Вальдер. Чувствую, как мокнет майка от напряжения, досадную на себя, желая после игры спрятаться в душ сразу, как перешагну порог раздевалки.

Бесконечная тренировка завершается. Я напряжена, нервы на пределе.

Полощусь в душе, а когда выхожу, на меня накидываются сокомандницы, укутанные в полотенца, как в коконы.

– Вальдер угрожал тебе? – спрашивает Гелера. – Сказал, что вышвырнет из команды, и ты перестала его злить?

– Гел! – не могу сдержать возмущения. – Неужели ты думаешь, я специально чуть не покалечила ребят и сломала ворота? Это у меня дар нестабильный.

Остальные переглядываются, но ничего не говорят.

Сушу волосы и облегченно спешу на выход, пока никто не решил вывести меня на открытость.

Так тороплюсь, что не замечаю тень за углом. И когда путь преграждает фигура парня, я просто врезаюсь в него.

Деркей. Он подждал меня и резко вышел, стоило мне появиться.

Олтар цепляется выше локтя, утаскивает в укромное место, чтобы нас не увидели остальные выходящие.

– Отпусти! – пытаюсь вырваться. Но Деркей свободной ладонью прикрывает мне рот и тянет дальше.

– Не вздумай призвать свою крылатую собачку, – предупреждает он, – иначе не узнаешь самое интересное. Ты же умная девочка, злючка-колючка. Будешь молчать?

Мне становится любопытно, ради чего он меня тащит чуть ли не в кусты, не боясь моей неведомой мощи, которую я предположительно могу подключить, чтобы ему шандалахнуть. Киваю, выражая свое желание его послушать.

– У тебя ладошка потная, – сообщаю ему сразу, как только получаю такую возможность.

– Ну, прости, – его широкая улыбка чуть меркнет. Он обескураженно пытается вытереть ладонь о полу пальто.

– Ты мне зато руку обслонявила, – морщится Деркей, – скажу теперь всем, что ужасная и грозная королева хаоса Летхит на меня слюни пускала.

– Королева хаоса? – вспоминаю прозвище, которым меня наградили его же ребята.

– Не делай вид, что ты удивлена тому, как к тебе относятся, – Олтар хищно усмехается, – королева хаоса, повелительница горгульи. Ты завидная подружка, Ирлея.

– Так ты мне решил предложить встречаться, пока кто-то раньше не успел? – делаю большие глаза, изображая ужас.

– А ты веселенькая, – одобрительно крякает Деркей, – признай, Ирлея, между нами есть алхимия. И ты так забавно попадаешь в мои ловушки. Жаль только, не проголосовала на выборах короля так, как надо.

– Я не знала, что Хималс из твоих приспешников, – признаю я, – так бы отдала голос Эфлону.

– Ты, девонька, не только голос ему отдать готова, как мне кажется, – масляно ухмыляется Деркей. – Не забывай, я тоже с ментального и умею считывать некоторые сигналы с людского фона. Это помогает манипулировать массами.

– Массами. Вот ты как о своих единомышленниках. Но все же тебе лучше сказать, какого лиха ты меня сюда притащил.

– Ради вечерней романтики, Ирлея, для чего же еще? – деланно удивляется Олтар. – Ладно, перейдем к сути, а то уже скучно. Ты сегодня какая-то нудная, злючка-колючка. Я знаю, что ты хочешь вернуть своим подружкам утраченные душевные качества. А я могу тебе в этом помочь. Разумеется, на своих условиях. Готова слушать?

6.6

Я не хочу слушать гада, из-за которого погиб чудесный парень, мой друг Милон Ханиш.

Деркей Олтар хладнокровно использовал ребят, которые по каким-то причинам чувствовали себя в Мракендарре отверженными, на вторых ролях. Он собирал из них тайное общество по приказу Миркура Тенебриса, злобного гения, прикидывающегося безобидным толстяком.

И еще Олтар обкрадывал людей с чистыми душами, превращая их в деревянных отличников, живущих по своду правил.

Деркей должен быть в тюрьме вместе со своим идейным вдохновителем, а не продолжать обучение со своими жертвами, играть в ментелен и чувствовать свою безнаказанность.

Но злая правда судьбы в том, что мне и правда интересно то, что может сказать мерзавец Олтар.

– Вряд ли тебе стоит верить, Деркей, – говорю, прерывая затянувшуюся паузу. – Соврешь, и при этом постараешься поиметь выгоду.

– Разумно, – улыбка Олтара становится чуть шире, – просто растешь на глазах, Ирлея. Что ж, я готов доказать свои возможности. И сделать откат для кого-то одного. Кого ты выберешь, Ирлея? Задушевную подругу, с которой вы были ближе, чем сестры? Или милую бестолковую Битигл, ставшую равнодушной стервой можно сказать, из-за тебя?

Он издевается и я вновь задаюсь вопросом, почему он здесь. Почему ему все можно?

Впрочем, весь прошлый год я думала в тех же выражениях о Вальдере.

В Мракендарре справедливость – неходовой товар.

– Я верну кому-нибудь одному то, что забрал ОН. И ты примешь решение, готова ли сотрудничать. Идет?

Глаза Деркея совсем темные, непроницаемые, как ниалтаровые зеркала.

– Этого быть не может, – говорю хрипло, волнуясь. – Все качества, которые ты украл, были отданы на поддержание сил того черрзова кристалла, который я взорвала.

– Кристалл лопнул и чужая магия выпорхнула десятком невидимых бабочек, – черные глаза блестят как две маслины.

– Пусть техника тебя не заботит. Мне нужен артефакт, который был в момент передачи силы. Увы, они у меня не все в наличии. Так что это сужает выбор. Но те, что тебя интересуют, при мне.

Он искушает. Дразнит. Заставляет спрашивать.

– Сначала скажи, что тебе самому нужно? – делаю шаг назад, стряхиваю оцепенение черного тягучего взгляда.

– Деловой подход, – он облизывает губы, – хорошо. Скажу. Ты проведешь меня в штольни. Не надо вопросов, я знаю – ты там была.

Штольни Мракендарра? Тайнственное и необычайно привлекательное в этом сезоне место. В прошлом году я о нем слыхом не слыхивала. А теперь там и меч Разделения пропал, и ниалтар нашелся.

– Все же вопрос будет, – настаиваю я. – Почему ты сам не можешь туда попасть, а я, по твоему, смогу?

– Туда только избранных пускают, – бурчит Деркей недовольно.

Этот парень ненавидит быть вторым, непризнанным. И сам факт, что ему куда-то нет доступа, бесит Олтара.

– Я сама проходила с преподавателем, – напоминаю ему.

– И ты там ориентируешься больше моего, – не сдается Деркей, – и к тому же, Ирлея, мы знаем, ты особенная. Уверен, ты найдешь способ сама проникнуть в штольни и меня туда провести.

– Послушай, Олтар, – сжимаю кулаки. – Если ты снова замыслил непотребство вроде воскрешения Черрза, я тебе помогать отказываюсь. Даже ценой быстрого возвращения к нормальной жизни кого-то из моих подруг. Сама найду ответы, пусть и позже.

– Это не связано с воскрешением Разделителя, – серьезно говорит Деркей.

Разделитель. Вот как они называют этого отверженного духа. Или... или он сейчас проговорился.

И до меня доходит: Деркей знает, что меч в штольнях, но у него нет информации, что его похитили. Что ж, в таком случае я ничем не рискую.

– Договорились, – киваю ему.

– Кого будешь превращать из гордости группы в истеричную адептку, идущую на поводу у страстей? – усмехается Олтар.

– Дай подумать, – прошу я.

– Хорошо, – он, к моему удивлению, даже не торгуется и не пытается меня сломить, – но только до завтра. Увидимся после обеда у столовой, и ты скажешь свое решение.

ГЛАВА 7

Мракендарр – место, где все время нужно выбирать. Между совестью и спокойствием, виной пополам с благодарностью и привязанностью.

После тренировки меня все раздражало. Кроме, разумеется, Фелиндрикса, потому что мой фамильяр – совершенство. Но увы, даже он не поможет сделать выбор.

Ужас моего положения в том, что любой из этих выборов – неверный.

Кого оставить замороженной селедкой: Ларию, которая мечтала со мной объехать мир и выйти замуж за принца, а потом сделать важное магическое открытие на благо вселенной?

Или Кирсею, что отважно заступалась за меня перед лицом опасности?

– Как тренировка прошла? – Мирейя встречает меня улыбкой. Но вновь невольно своим присутствием напоминает, что здесь нет Эльны, с которой можно было бы обсудить щекотливый вопрос, волнующий меня.

– Бывало лучше, – бурчу, бросая сумку с вещами на кровать.

– Расскажи, кого взяли к вам в команду? – не оставляет попыток пообщаться соседка.

– Только парней или девчонок тоже? Знаешь, я на первом курсе так хотела встречаться с игроком в ментелен! М-м-м! Дурочкой была, да, иначе не скажешь, но они такие все подтянутые, мускулистые, симпатичные и самые способные!

– Почему “была”? – бурчу я, падая рядом с брошенным барахлом.

Мирейя слышит, хоть я бормочу негромко.

– Так-то обидно, когда в ответ на твои искренние душевные порывы начинают грубить! – с удивлением слышу, что голос соседки подрагивает.

Неужели она играет?

Сажусь в кровати, смотрю на Мирейю с недоумением.

– Не понимаю, что лично я тебе сделала? – спрашивает она. – Не я жгла твое чучело на площади. Да, признаюсь, подговорила Кирсею украсть твои шмотки из душа, в тот день когда ты заехала. Но ведь ее ты простила? Простила!

Мирейя почти кричит, а на ее лице появляются белые пятна.

– Не уверена, что ты и сейчас не наушничаешь для Керейны, – откровенно заявляю, раз пошел такой разговор. – Чем еще объяснить твое навязчивое дружелюбие?

– Навязчивое? – взвизгивает соседка. – Навязчивое? Ирлея, ты хоть знаешь, что такое раскаяние или сочувствие?

– Все сразу? – уточняю, чувствуя, что раздражение меня вот-вот накроет лавиной и понесет по жаркому руслу скандала.

– Раскаяние за свои поступки, несправедливые по отношению к тебе, – Мирейя решает идти до конца, – а сочувствие из-за испытаний, что пришлось тебе вынести. А ты только плюешься желчью и не замечаешь моей искренности!

По щеке Мирейи пробегает мелкая, как бисеринка, даже не слеза, слезка.

Чувствую легкий укол стыда, который тут же перебивает общий фон раздражения. И так проблем куча, а тут еще соседка, которую я видеть не хочу, предъявляет претензии и пытается выяснить то, чего у нас сроду не было: отношения!

– Мира, – пытаюсь говорить примирительно, – я за год привыкла ненавидеть Керейну и всех, кто с ней связан. Мне нужно время к тебе присмотреться.

Она, наконец, замолкает. Смотрит растерянно и немного сердито. Кажется, Мирейя сама несколько обескуражена своим же эмоциональным взрывом.

В дверь стучат. Нетерпеливо и в то же время будто неохотно. Так может лишь Талфин.

Открываю, и точно – передо мной Эльна.

– Есть разговор, – говорит она без предисловий, – выходи.

Киваю, хватаю рюкзак с Филей, выскакиваю из комнаты, радуясь, что неприятная беседа подождена вмешательством извне.

– Идем к тебе?

– Не, давай без Кирс, – предлагает Эльна.

Мы спускаемся на улицу. Вечером прохладно, но пока что терпимо. Мы устраиваемся на одной из лавочек внутри крытой беседки, говорим шепотом.

– Ты забила на нашу договоренность установить, чьи безделушки в коробке? – спрашивает она.

И я решаю рассказать ей о нашем разговоре с Деркеем, не откладывая.

– Есть новая информация, – и выкладываю все как можно подробнее. Включая выбор, который Олтар мне навязал.

– Что-то несрастухи, – мотаает головой соратница, – помнишь, Талироди говорил, что эти талисманчики – пустышки, а все похищенные душевные силы в кристаллическом прахе, который собрали в коробку?

– Помню, – соглашаюсь я.

– Тогда каким способом Олтар собрался выполнять свою часть договора? Крошки от Черрза и его камушка у нашего отстраненного ректора. Или он у него их стянул?

– Он сказал, у него своя техника. В любом случае, я не стану с ним расплачиваться, пока не получу доказательство его возможностей. Только...

– Не знаешь, кого выбрать, – закончила за меня Эльна.

– Да, – подтвердила я.

– Оживишь свою зазнайку-подружку – не буду с тобой разговаривать, – просто заявляет она. Безо всяких рассуждений-обсуждений.

Правильно ли я сделала, поделившись с ней сомнениями и вообще информацией?

7.2

Терпеть не могу, когда на меня давят. И слова Эльны вызывают протест, даже если я с ней согласна.

Меня разрывает надвое.

Лария или Кирсея? Никогда бы не подумала, что придется делать именно такой выбор.

А самое “замечательное” – обе из них сейчас в таком состоянии, что им мои терзания были бы непонятны. А возможность стать собой прежней не показалась бы заманчивой.

Вот и гад же ты, Деркей Олтар! Сейчас, проиграв в большой битве, ухитришься портить мне жизнь дальше.

Впрочем, ныть бесполезно и никому, разве что Фелиндрикс послушает.

Да, можно поступить примерно как на выборах короля академии, проголосовать за кого-то третьего, например, за Райну Кирс. Но тут сразу две сложности.

Первая: бывшая королева академии уже закончила Мракендарр и сейчас далеко отсюда. Вторая: даже будь она здесь, мне было бы сложно понять, насколько она изменилась, поскольку я ее не знала.

А проверять, не обманывает ли меня Олтар, стоит на тех с кем я общаюсь. И с этой точки зрения идеально подходит именно Лария, перемены в которой для меня наиболее очевидны.

Хочется заорать и расколотить что-нибудь. К примеру, башку Деркею Олтару.

Закрываю глаза и вспоминаю...

Мягкий, рассеянный свет Ардила золотит верхушки деревьев, глазам больно смотреть, но я упрямо плююсь.

Щеки мокрые от слез. Мокрая пелена затянула весь мир и даже лучи Ардила размываются. Хлюпаю носом, сжимаю зубы, чтобы не закричать, ногти вминаются в ладони до боли, пальцы до хруста скукожены в кулак.

Я сбежала с последнего урока в школе, потому что в таком состоянии там оставаться было невозможно.

Сажу на полянке, в парке за школой.

– Ирли! – слышится голос Ларии.

Подруга с облегчением плюхается на траву рядом, не боясь испачкаться. Тяжело дышит, значит бежала.

– Я еле тебя нашла! Думала ты в туалете, или просто во двореке. А ты так далеко забралась!

– Зачем ты с урока ушла? – возмущенно смотрю на нее и шмыгаю носом. Мне шестнадцать, и выглядеть смешно или некрасиво – смерти подобно.

– Не за чем, а за кем! – Лария хлопает меня по плечу так, что я чуть не падаю.

– Как ты вообще узнала, что я...

Подруга учится в выпускном классе, и сейчас у нее, скорее всего, контрольная. Важная, разумеется! Возможно, даже итоговая.

– Да уже все знают, – машет рукой Лария, – но это ерунда, правда, мелочи. Ты расстроилась, но завтра обо всем уже и забудут.

С трудом верится.

Я попала в нелепую, очень обидную ситуацию. На перемене нам делали оттиски магических полей эфирия.

Все происходит в большом зале, чтобы влезло несколько классов. И молодой, но усталый, кудлатый лаборант прогоняет нас сплошной лентой через артефакт, непрестанно позевывая в кулак.

– Следующий! – подзывает он меня, безуспешно пытаюсь свести разъезжающиеся челюсти. Поэтому получается с завыванием: “Следууууциуай”.

– Ладощку на площадочку кладем, – лениво тыкает пальцем в отшлифованный обсидиан. Послушно следуя единственной инструкции.

Я знаю, что должно произойти следом. Лаборант наденет обруч с пятью кристаллами мне на голову, и вокруг появится едва заметный фон цвета разбавленного водой молока. Видела это уже с десятков раз, у тех, кто успел пройти передо мной.

У одних “молока” было больше у других – почти “вода”. Но фонило от каждого. Кроме меня.

– Это что за черзятина? – невежливо поражается лаборант, даже переставая зевать. – Диагностика сломалась? Ну-ка, подвигай рукой.

– Артефакт на Летхит не сработал! – шепчет кто-то позади, так глухо, что я не узнаю голос.

– Вот ерунда! – пятерня лаборанта потерялась в кудрях на затылке. – Это... вот ты, пацан, приложи руку. Девочка, подожди пока.

Отодвигаюсь, давая проверить артефакт на Терренсе Жахисе. Как только на его челе оказывается обод, вокруг парня пробиваются тонкие голубоватые жилки, постепенно раздуваясь в тонкую пленку, как мыло на поверхности воды.

– Во, тут все есть, слабенько, но заметно, – радуется лаборант, – а ты, маленькая, у нас обиход!

– Нет! – выкрикиваю я. – Не может быть! В моей семье маги, я должна была унаследовать...

– Не место тебе в школе магии, куколка, – хохочет лаборант.

Я разворачиваюсь и бегу к выходу, по пути сшибая один из стульев коленом. Сейчас на нем лиловый синяк.

Лария смотрит на меня с улыбкой, совершенно без жалости или сочувствия, что меня сейчас добило бы вконец.

– Ирлея, не всегда способности брызжут из человека, как из питьевого фонтанчика. И те, кто этого не понимают – сущие придурки. Вот увидишь, твоя магия проявится, ей нужно время, чтобы вызреть.

– Ты меня просто успокаиваешь! – снова хлюпаю носом.

– Пфф! – фыркает подруга. – Я когда-нибудь так делала? Ирли, запомни, ты не нуждаешься в жалости, ни в моей, ни в чужой. Как и в снисхождении. В тебе столько силы и волшебства! Просто они пока не проявляются в магическом эквиваленте. Но уверяю тебя, дурочка маленькая, что не будь этого всего в твоей крови, ты была бы другой. Только тот, кто с тобой совершенно незнаком, может считать, что ты обиход.

Она говорит так убежденно, что я ей верю.

– Как ты услышала, что я убежала? – спрашиваю, сглатывая комок.

– Один парень из нашего класса стоял в той очереди, хотел замерить уровень своего эфирия. Узнал тебя, часто нас вместе видел.

– И ты сбежала с контрольной? – пугаюсь я.

– С проверочной, – пожимает она плечами.

– Но зачем? – бью ладошкой по траве.

– Это не обсуждается, Ирли, – взгляд Ларии твердый и упрямый, – проверочную, контрольную, зачет – все это можно пересдать и переписать. А вот экзамены на дружбу – нет. Я всегда выберу тебя, Ирлея.

Открываю глаза. Слышу в темноте спальни ровное дыхание спящей Мирейи.

И понимаю, что будет завтра.

7.3

– Сегодня мы говорим о непростой магии. Магии запретной! – магистр Ленон Деломар многозначительно шевелит щеткой под носом, которую по недоразумению считает усами.

– Это магия нижних вибраций. Именно ее можно назвать темной, а вовсе не нашу, материальную. Увы, по ошибке и обиходы, и даже многие равновесы считают темными нас. Отсюда все притеснения в сторону материалов. Между тем, у магии сложная, разветвленная структура, которую изучают в академиях. И те, кто равняют мрак с тьмой, выдают тем самым свое невежество.

– Но эти слова и правда похожи! – возражает Бетрок Мирен.

– Только лишь слова! – Деломар старается говорить с достоинством, но выглядит это забавно. Магистр пыжится, выпучивая глаза, а его усы топорщатся.

– Но понятие мрачный у нас в культуре означает место, куда не достигают лучи Ардила, однако не лишенный света вовсе, можно что-то разглядеть. А темный – то, из чего высосали весь свет. Но это изыски языка Ардилодии. Что вам и правда стоит знать о различиях в магии мрака и тьмы: с частицами материи мы рождаемся. А тьму – выбираем сами. Равновес может использовать запретные заклинания и низкие вибрации, сгустки отработанной энергии, которая собирается в горных пустотах глубоко под нашими ногами. Это, грубо говоря, отстойник уже использованной магии. Слив энергии. Вязкой, черной. Смолистой. Существует легенда, что в незапамятные времена юный и не в меру любознательный Черрз обнаружил залежи отработанной магии и счел их настолько густыми, что решил слепить из них камень.

Я напрягаюсь. Слова “Черрз” и “камень” в одном предложении меня очень настораживают.

– Порода получилась твердой и обладала губительной силой, способной разорвать того, кто к ней прикоснется. Увы, мерзавец успел проверить черную мощь камня на людях. Все они погибли ужасной смертью. Тогда вмешался один из братьев Черрза, дух Луча по имени Ниалтар.

Я уже подпрыгиваю на месте. Кто бы знал, что древняя легенда окажется такой полезной?

– И он отдап себя всего, перелив все свои силы, всю магию луча в смертельную породу. И остался в ней навеки в виде белых, молочных вен, которые блокируют губительное воздействие зловещей породы, лишая ее, по сути, магии. Но в присутствии избранного эти вены приходят в движение, подавая знаки.

– Зачем нам эти сказки на втором курсе? – выкрикивает Бетрок Мирен.

И магистр, к сожалению, спохватывается.

– Да, действительно, экскурс затянулся. Давайте перейдем непосредственно к теме. Когда материя становится темной. Возможно ли это?

Меня колотит, в горле пересыхает.

Легенда, рассказанная Деломаром, волнует до глубины души. Еле дожидаясь конца урока, иду в уборную, ополоснуть лицо в холодной воде.

Собираюсь обратно в аудиторию, когда текс принимает сообщение от Тарра: “Зайди в деканат”.

Меня это даже радует. Едва поздоровавшись с профессором, спрашиваю:

– Правда, что Ниалтар – это имя духа Луча, который влил в камень свою энергию?

Тарр стоит у окна и резко поворачивается ко мне, глядя с удивлением:

– Откуда такой интерес к древней мифологии?

Я молчу.

– Да, – признается он с неохотой, – есть такая теория. Если ей верить, получается, что ниалтар – живой камень.

– И мне это кажется очень правдоподобным, профессор, – признаюсь я.

– Допустим, – соглашается Тарр, – но позвал я тебя не для этого. С чего это ты решила делать курсовой проект по прорицательству?

Вспоминаю свой опрометчивый выпад на лекции Эдирады Плихан.

– Да, – морщу нос, показывая, как это все не вовремя, – карманный оракул или что-то такое. Декан Плихан не так истолковала мою реакцию...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.